

Юрий Тимофеев

НЕ ХОДИ СЛУЖИТЬ В ПЕХОТУ!

КНИГА 2. ВОЙНА ПО ЗАКОНАМ МИРНОГО ВРЕМЕНИ

18+

Не ходи служить в пехоту!

Юрий Тимофеев

**Не ходи служить в
пехоту! Книга 2. Война по
законам мирного времени**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Тимофеев Ю.

Не ходи служить в пехоту! Книга 2. Война по законам мирного времени / Ю. Тимофеев — «ЛитРес: Самиздат», 2018 — (Не ходи служить в пехоту!)

ISBN 978-5-532-97787-7

Это вторая книга из серии "Не ходи служить в пехоту!". Герой книги офицер Советской Армии, командир мотострелкового взвода, оказавшийся в Закавказье, в Нагорном Карабахе на постоянной основе. На его глазах начался развал СССР, в ходе которого Россия стала независимой. О том, как происходило разложение и деградация Советской Армии в Краснознаменном Закавказском военном округе, как жили, служили, дружили, любили, воевали, ненавидели, и как относились к тем событиям. Главные герои этой книги являются результатом воображения автора, поэтому совпадение с реально существующими людьми и событиями может быть разве что случайным.

ISBN 978-5-532-97787-7

© Тимофеев Ю., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	41
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Юрий Тимофеев

Не ходи служить в пехоту! Книга 2.

Война по законам мирного времени

Предисловие

Цитата из Конституции СССР:

«Статья 31. Защита социалистического Отечества относится к важнейшим функциям государства и является делом всего народа.

Долг Вооруженных Сил СССР перед народом – надежно защищать социалистическое Отечество, быть в постоянной боевой готовности, гарантирующей немедленный отпор любому агрессору».

Определение агрессии содержится в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 года. Актами агрессии считаются действия одного государства против другого.

Глава 1

В штаб Сибирского военного округа (СибВО) я прибыл в установленное время.

Остановился в одной из гостиниц города. До обеда я и еще один мой товарищ по училищу прождали в коридорах между кабинетами. Из одного из них вышел подполковник, назвался каким-то там «направленцем» и дал команду прибыть нам с товарищем завтра и не ранее 11:00 утра. Отношение к нам выказал крайне высокомерное. Хотелось ему что-нибудь сказать.

А мы и не спешили. Еще один вечер праздности нам не помешает. Решили переехать в одну гостиницу, которая была расположена недалеко от штаба округа. Переоделись в гражданское, перекусили. Осмотрели центр города, а вечером пошли в ресторан. Скучно. И приятелю моему со мной было скучно. Он рассчитывал побольше выпить и под занавес с кем-нибудь познакомиться. Выпить я отказывался, то есть выпивал, но совсем мало. Я тоже был не прочь с кем-то познакомиться. Танцевать, естественно, я не стал и ждал окончания вечера.

– Чего ты сидишь? Видишь, там, за тем столиком, сидит парочка симпатичных. Давай попробуй с ними познакомиться.

– Зачем?

– Как зачем?

– Эти двое, на которых ты показал, примерно наши ровесницы. Они замуж хотят. Они мне не нужны. Я других заприметил, – сказал я и показал на другой стол, где сидели дамы постарше.

– Нет, не пойдет. Они уже немолодые.

– В этом-то и дело. С ними проще.

– Ну давай попробуй.

Я пристально и не скрываясь на них посмотрел. Дамы меня заметили, но делали вид, что это не так. Я встал и прошел к их столику. Попросил разрешения присесть. Согласились. Познакомились. Поболтали. Я предложил им пересесть за наш стол. Ответили, что подумают. Я вернулся.

– Ну что?

– Так-то все нормально. Но они думают. Посмотрим.

Подозвал официанта:

– Слушай, подзаработать хочешь?

– А что вам нужно? – ответил официант.

– Надо бы кого-то снять на вечер, но так, чтобы надежно все вышло.

– Сколько дашь?

– А сколько надо? Могу десять рублей, не больше.

– Можно это решить, но десять рублей надо за одну.

– Согласны, – ответил мой приятель. Поспешил, конечно, но уже поздно было поворачивать.

– Тогда так сделаем. К вам минут через пятнадцать приведу двух девушек лет тридцати, симпатичных.

– А у них есть где? – спросил я.

– Есть, но вам придется брать такси и заказать у меня с собой фрукты и коньяк. Это выйдет вам в тридцать рублей без такси. Итого пятьдесят.

– У нас есть время подумать? – спросил я.

– Минут десять, я подойду.

– Нет, давай не будем. Лучше так кого-нибудь снимем, – сказал мой товарищ.

– Не согласен. Мне кажется, через официанта будет надежно.

– Как хочешь. Давай поделимся. Я попробую свою тему. Встречаемся в гостинице.

– Решили.

Через несколько минут подошел официант, и я ему сказал наше решение. Он сказал, чтобы я выбрал даму у стойки бара, справа. Там сидят две девушки, надо выбрать и сказать официанту решение.

Я поднялся и пошел к стойке бара. Одна из них была более симпатична лицом, у другой была лучше фигура. Я выбрал ту, что с более интересной фигурой, и сообщил об этом официанту. Через несколько минут девушка сидела у меня за столом и с удовольствием угощалась.

– К тебе далеко ехать?

– На такси минут тридцать.

– А дома есть кто?

– Я живу в общежитии, комната на двоих, но моей подруги не будет еще несколько дней. Дашь рубль дежурной по общаге, и она тебя пропустит. Душ и туалет на две комнаты, там все без проблем. Только возьми что-нибудь выпить и шампанское.

– А может, коньяк?

– Нет, лучше шампанское.

Я переговорил с официантом, шампанское и фрукты обошлись мне в пятнадцать рублей. Рассчитались с товарищем за стол, он тоже уезжал к девушке. Официант вызвал такси, и мы поехали в общагу.

Примерно в восемь утра я приехал в гостиницу и застал там своего товарища спящим на кровати прямо в одежде. На его лице, под глазом красовался огромный фингал. В комнате стоял устойчивый запах сивухи.

Что тут скажешь? Сегодня моему товарищу устроят прием в штабе, даже не сомневаюсь. Придется ему идти в парадной форме с золотыми погонами и с фингалом. Сходил в душ на этаже и принялся будить спящего товарища. Бесполезно, совершенно пьяный. Что делать? Надо его поднимать. Подожду еще полчаса. Опять принялся его будить. С большим трудом растолкал. Затащил в душ, под холодную воду.

– Что теперь мне с этим фингалом делать?

– Скажешь, что вечером пристали, пытались деньги отобрать. Ври и только ври, мой тебе совет. А сейчас я тебе дам аспирин, выпей. Потом завтрак.

– Не буду завтракать.

– Надо, иначе они сразу поймут, что ты нажрался вчера.

Все так и сделали. На завтрак съели яичницу и по стакану сметаны. Прогулялись и в назначенное время прибыли в управление кадров.

– Не понял. Это что такое, товарищ лейтенант? – произнес в адрес моего товарища «направленец».

– На меня вчера вечером напали и хотели отобрать деньги. Так вышло, товарищ подполковник.

– Нажрался вчера?

– Ну выпил вчера немного. Не в том дело.

– Понятно. Поедешь служить в мотострелковую дивизию в Итатку. Там тебе быстро мозги вправят.

– Есть.

– Заходи в кабинет, сейчас выдам тебе предписание, – произнес подполковник.

– А вы подождите меня здесь, пойдете на беседу к полковнику, – обратился уже ко мне «направленец».

Через пару минут мой товарищ вышел из кабинета.

– Юра, жду тебя в гостинице.

– Ладно.

Меня привели к кабинету полковника. Первым вошел «направленец» и махнул мне головой, приглашая пройти. Полковник не дал мне доложить и произнес:

– Училище закончили с отличием. В школе тоже отличник. Отец у вас заслуженный офицер. Почему вы оказались здесь, а не на западе или Дальнем Востоке?

– Я хотел остаться в Сибири.

– Почему? Только честно, прямо.

– Мне подсказывали, что в таких внутренних округах служить в чем-то тяжелее, но и продвижение лучше. Просто хочу быстрее стать командиром роты, – ответил я.

– Понятно. Хорошее желание. Люблю я карьеристов, здоровых. Молодец. Значит, так, едешь служить в мотострелковую дивизию в Бийск. Город приличный, трамвай ходит. Я там за тобой послезу и через полгода, возможно, заберу сюда, в штаб округа, в батальон охраны. Если пойдет все хорошо, через пять лет поедешь в Москву, в академию. Понял?

– Так точно, товарищ полковник.

– Старайся, Тимофеев, старайся. Такие, как ты, пробиваются только старанием – и большим старанием. У тебя есть шанс. Будешь умным – далеко можешь пойти. Не женись раньше времени, не связывайся с этой обузой. Запомни это. И еще в этой дивизии выпускник ВОКУ на должности командира взвода, редкий гость, в основном туда направляем на должности командиров взводов офицеров по призыву, «двухгодичников», то есть выпускников гражданских вузов. Поэтому там на тебя сядут основательно. Терпи.

После разговора получил предписание, вышел из штаба.

Понравился мне этот полковник. Жесткий, циничный, прямолинейный. Уважаю таких.

В гостинице меня ждал мой товарищ. Вещи оставили, переоделись и поехали на вокзал брать билеты. Ему на северо-восток, а мне немного на юг от Новосибирска. Поезда у нас вечером. Посмотрели город, потом поужинали в ресторане, поехали на вокзал. Я уезжал первым. Мой товарищ рассказал, что у него произошло вчера вечером, жалеет, что меня не послушался, ведь у него ничего не вышло, деньги все потратил, еще и избили. Одолжил ему десять рублей. Бесшабашный парень и не жмот. Совсем не жмот. Попрощались.

В Бийск я приехал утром, взял такси и поехал в штаб дивизии. Надо бы прекращать шиковать, прекращать все эти такси и рестораны. Денег осталось немного.

Прибыл на КПП. Закрутилась военная карусель. Из штаба дивизии в штаб полка, здесь представился командиру полка, начальнику штаба и замполиту (они были вместе в кабинете), из штаба полка в штаб батальона.

Комбат.

Передо мной за столом в своем кабинете сидел убеленный сединой подполковник. На кителе красная нашивка о ранении (легкое ранение), в орденской колодке орден «Красная Звезда», медаль «За боевые заслуги». Понятно, воевал в Афганистане. Принял мой рапорт. Воинские законы комбат уважает, сразу видно. Пригласил сесть на стул. Закурил.

– Расскажите мне о себе, товарищ лейтенант.

Я вкратце рассказал свою биографию.

– Как в училище учились?

– Диплом с отличием.

– Сержантом в училище был?

– Так точно, командиром отделения, сержантом.

– Что я из вас, товарищ лейтенант, все вытягиваю? Не хотите с комбатом разговаривать – так и скажите, я быстро вас отсюда выставлю. Понятно?

– Так точно. Со мной впервые так обстоятельно разговаривают, не сообразил, что надо докладывать, исправлюсь.

– Вы в войсках уже, ваше благородие. В войсках! Здесь вы уже полноценный член офицерского коллектива. Здесь с вас стружку снимать будут за все, за то, что сделал, и то, чего не сделал. Что с алкоголем? Не врать.

– Не будет проблем с этим точно. Не знаю, как с техникой у меня пойдут дела, но с алкоголем проблем не будет, это не мое.

– Понятно, уже лучше. Но с техникой придется подружиться. Техника старая, запчастей нет и не будет, но должна быть боеготовая. Дивизия наша сокращенного состава. Солдат почти нет, командиры взводов – «пиджаки», дол... бы конченные, ничего делать не умеют и не хотят, за редким исключением. Ты единственный в батальоне кадровый офицер – командир взвода, поэтому начальниками караулов ходят только командиры рот и командир минометной батареи, вот ты еще будешь ходить, все обрадуются. Понимаешь, почему так?

– Потому что караульная служба – это единственная боевая задача в мирное время, и поскольку «пиджаки» к службе безразличны, то ставить их начальниками караулов не стоит.

– Правильно понимаешь, и запрещено командующим округом. Их вообще запрещено куда-то отправлять самостоятельно. Теперь слушай меня внимательно. Вас, молодых офицеров, приказано первый месяц не ставить ни в караулы, ни в наряды. От начальника штаба батальона получишь подробный план вхождения в должность на месяц. Все вопросы в этот период решаешь непосредственно со мной, таков приказ комдива. Командир роты у тебя нормальный офицер, он уже все знает и ждет тебя с нетерпением. В батальоне солдат всего 82 человека, и то большая часть из них по свинарникам да по всяким хозяйственным делам, сам их не вижу. Честно говоря, хуже места для начала службы для кадрового офицера и не придумаешь. Ничему хорошему ты здесь не научишься. Но не расстраивайся, иногда будут и занятия, и стрельбы, и еще кое-что. Проставляться коллективу ты будешь не раньше чем через два месяца, это мой приказ, и не дай бог его кому-то нарушить. С другой стороны, к приему молодых офицеров из училищ в дивизии очень основательно подготовились, вас всего-то на всю дивизию два десятка всех: связистов, артиллеристов, саперов, политработников и прочих там тыловики. Для каждого подготовлены места в общежитиях. В общем, для вас создали тепличные условия. Не знаю, может, это и хорошо. Твое место – в самом хорошем общежитии, комната на двоих, будешь там жить с начфином нашего полка, тоже молодой лейтенант, выпускник. Всякие там тыловики будут пытаться со временем уговорить переехать в другое общежитие. Запрещаю! Все вопросы пусть решают со мной. Сейчас посыльный проводит тебя до общежития, там устраиваешься. Разбираешься с обедом, советую ходить в офицерскую столовую, она здесь недалеко от штаба дивизии, посыльный покажет. Где-то к 20:00 появится твой командир роты. Приходишь ко мне к 20:00, раньше не надо, и я вас познакомлю, он получит от меня задачу. Форма одежды – повседневная для строя. Вопросы?

Я встал и ответил:

– Никак нет, товарищ подполковник.

– Идите.

– Есть.

Вышел. У кабинета стоит солдат с красной повязкой с надписью «Посыльный».

– Здравия желаю, товарищ лейтенант, рядовой Смагин, 3-й взвод, 5-я рота.

– Выходит, ты с моего взвода?

– Так точно. Мы уже вас ждем, знаем, что вас к нам назначили.

– Как тебя зовут?

– Леха.

– Откуда ты родом, Леха?

– Город Энгельс, Саратовская область. Слышали про такой?

– Нет.

– Потом расскажу. Пойдемте?

– Пойдем.

Леха взвалил на плечо рюкзак и взял один чемодан. Я взял другой чемодан, и мы пошли.

– Расскажи мне про наш взвод.

– Во взводе три БМП-1, старые. Техническое состояние плохое, но заводятся. На проверках как-то выкручиваемся. Командир роты все время на технике с командирами взводов, но взводным все безразлично. Я вам честно говорю, они хоть и офицеры, но другие, не такие, как кадровые. Сейчас во взводе всего шесть человек, в роте всего двадцать четыре солдата плюс четыре офицера вместе с вами. Старшина роты есть только в четвертой роте – один на весь батальон, фактически он подчиняется только комбату и начальнику штаба. Все солдаты всегда или в нарядах, караулах, или работают на предприятиях, зарабатывают стройматериалы, техника роты нет, зампотех батальона очень строгий мужик, майор, если что не так в парке, сразу бьет, не разговаривает, не любит. Взвод, да и роту увидеть в полном составе не получится. Но служить можно, нормально. Мне служить год остался.

– В какой ты должности, Леха?

– Я механик-водитель БМП.

– А кто остальные солдаты взвода?

– Русский я один. Остальные – туркмены и казахи.

– Тяжело?

– Было тяжело, сейчас уже проще. Но все равно тяжело.

– Почему?

– Да вы сразу все поняли, я вижу по вашему вопросу. Туркмены независимо от призыва все вместе – против меня и казахов. В роте то же самое, там еще таджиков много. Тут по национальности многое решается, вот это самое плохое.

– Ничего, Леха, посмотрим.

– Да нет, вы неправильно меня поняли. У меня уже все нормально, другим ребятам тяжелее. Но вы не спешите, потом разберетесь, там у туркмен есть главный. Он все решает. Если у вас с ним получится законтачить, у вас везде все будет нормально: и в карауле, и в наряде, и если ответственным будете.

– Кто он, этот туркмен?

– Все, кроме комбата и начальника штаба, его Курбаном называют, по имени. Он всегда в казарме. Сразу увидите.

– Фамилия его?

– Шахмурадов.

– В каком он подразделении?

– В гранатометном взводе, сержант.

– Понял.

Заведующая общежитием находилась на месте, меня ждала. Быстро оформили все формальности, обо всем предупредила, об оплате два раза сказала, взяла у кастелянши постельное белье и лично повела меня в комнату. Комната оказалась на третьем этаже, небольшая, в ней стояли две кровати, шкаф и письменный стол. На подоконнике стояла маленькая плитка, электрочайник и небольшой ящик, напоминающий хлебницу. Заведующая сразу же обрушилась резкой критикой в адрес моего отсутствующего соседа за нарушение запрета пользоваться электроприборами. Разместился. Все разложил. В моем распоряжении был целый шкаф. Переоделся в повседневную форму, предварительно сходя в комнату бытового обслуживания и погладив ее. Наступило время обеда, пошел в столовую, в которой было полно народа.

За одним из четырехместных столиков сидели два старших лейтенанта и старший прапорщик, все с красными петлицами и танковыми эмблемами. Я подошел к столику и спросил, можно ли с ними расположиться.

– Садись, конечно. В первый раз здесь?

– Да.

– Выбирай пока что себе еду. Официантка подойдет не быстро. Сам-то из какого полка? Я ответил.

– Однополчанин теперь. А из какого батальона?

– Из второго, пятая рота?

– Повезло тебе с комбатом.

– А вы?

– Мы из танкового батальона. Саня – командир первой танковой роты, я командир третьей танковой роты, зовут меня Сергей, а Васильевич, – Сергей повернул голову в сторону старшего прапорщика, – командир взвода материального обеспечения танкового батальона.

– Тимофеев Юрий, закончил Омское ВОКУ, сегодня прибыл.

Мы обменялись рукопожатиями.

– Вас сейчас месяц трогать не будут, штаб округа организует какие-нибудь сборы молодых лейтенантов. Присмотрись. Опять же командир твоей роты, Виктор, он уже опытный. Все тебе подскажет, – сказал Саша.

Подошла официантка, я заказал обед.

– Юра, ты почему суп не взял? – спросил Васильевич.

– Не хочется что-то.

– А потом вы, офицеры, жалуетесь, что у вас желудки болят. Не успеет майора получить, а уже начинает загигаться, чуть что. Язва. Надо есть первое обязательно. Я тебе советую просто, – произнес Васильевич.

– Спасибо, учту обязательно.

– А как здесь с ужином?

– Ужин с шести вечера до половины восьмого. Успевать не будешь. Это проблема для холостых, – ответил Саша.

– А ты холостой? – задал я вопрос Саше.

– Мы с Сергеем холостые пока что. Снимаем с ним на двоих квартиру, там и ужин готовим. Васильевич, понятное дело, женат, и у него трое детей.

– Я в общежитии, в одной комнате с начфином, у него там плитка и чайник. Тоже будем готовить.

– Разогнался. А из чего готовить-то будешь? Холодильник есть? – спросил Васильевич.

– Продукты попробуем купить в магазине. А вот что делать с холодильником, не знаю.

– Ничего ты в магазине не купишь – все по талонам и еще в очередь. Так что если и дадут талоны, то их еще и не отоваришь. На рынке покупать очень дорого, но и не все купишь даже там. Правда, у нас в квартире есть холодильник, – ответил Сергей.

Тем временем в столовой стало меньше народа, пообедали, и мои собеседники, пожелав мне приятного аппетита, встали и ушли.

После обеда я вернулся в комнату. Времени было достаточно, и я решил поспать после обеда. Строго в назначенное время я прибыл к комбату.

– Заходи, Тимофеев. Заходи. Вот твой командир роты, старший лейтенант Горлов. Все. Задачу вы получили, теперь идите занимайтесь.

Мы вышли из кабинета.

– Пойдем в канцелярию роты.

Спустились на этаж ниже. Наряд по батальону исправно выполнил все формальности по отношению к Виктору и ко мне (заодно).

В канцелярии роты сидели два офицера.

– Знакомьтесь, лейтенант Тимофеев, командир 3-го взвода.

– Старший лейтенант Каверин, Михаил, командир 1-го взвода, – представился высокий широкоплечий парень лет тридцати.

- Лейтенант Кашин, Саня, – представился парень лет двадцати трех.
- Юрий, – коротко ответил я.
- Что закончил, Юра? – спросил Каверин.
- Омское ВОКУ.
- Я сразу понял, что ты кадровый, – ответил Каверин.
- И я тоже сразу понял. Теперь будет кому впахивать в парке на технике, – заметил Кашин.

– Кашин, ты у меня будешь вкалывать за всех троих командиров взводов, бездельник. Я вот на тебя смотрю и вижу, что ты никакой не инженер, тебе бы в райкоме комсомола работать, ты бы там всех переговорил, заболтал, и сачок ты такой, каких свет не видывал. Сейчас будешь мне докладывать, что из тех задач, которые я тебе ставил, ты выполнил.

- Да ни черта он не сделал. Неужели не понятно? – заявил Каверин.

– Хватит. Значит, так. На Юру вы не рассчитывайте вообще. Первый месяц он по отдельному плану, по плану комбата, и ставить его никуда нельзя. Потом, как сказал комбат, будет «летать» в караулы, для того чтобы освободить командиров рот и командира батареи. Вас-то, уродов, «пиджаков», в караул ставить нельзя ни во внутренний, ни в гарнизонный, на полигон вас дежурными опять же ставить нельзя, к учениям и занятиям для обеспечения первой роты тоже запретили привлекать, и нельзя вас вообще назначать для выполнения какой-либо отдельной задачи, в отрыве от полка. Вот только вчера начпо дивизии поймал одного двухгодичника за распитием самогона на полигоне с солдатами, а всего-то-навсего оставили целого старшего лейтенанта с тремя солдатами без оружия для охраны имущества. Теперь приказ комдива никуда вас в отрыве от своих командиров не назначать.

- Я всегда говорил, что наш комдив – наимудрейший человек, – произнес Каверин.

– Миша, а тебе не стыдно, что тебе, взрослому человеку, все-таки офицеру, платят столько же, сколько кадровому, но кадровые пашут, а вы еще над ними посмеиваетесь? – спросил Виктор.

– Мне все безразлично. Все абсолютно, и ты, Виктор, отлично это знаешь. И все мы, двухгодичники, отлично понимаем, что никто и ничего нам не сделает. Но вместе с тем ты, Виктор, так же отлично знаешь, что, если ты, или начальник штаба, или комбат, или любой другой уважаемый мною офицер меня о чем-то попросите, я в лепешку расшибусь, но все сделаю. Поэтому совесть мою не тревожь. Другое дело, что нет у меня таких знаний, как надо бы иметь, нет и не будет уже.

Виктор переключился на Кашина. Выяснилось, что в парке он ничего не сделал, замполтх батальона сегодня отправили дежурить по ВАИ, и Кашина никто не трогал. Выходило так, что двое механиков-водителей, которых командир роты ценой невероятных усилий уберег от разных задач, пробездельничали целый день. Командиру роты же он объяснял, с каким множеством проблем он столкнулся.

- А ко мне почему не пришел? – отчаянно прокричал на Кашина Виктор.

- Ну вы же стояли дежурным по полку, – невозмутимо ответил Кашин.

- Ну и что? – заорал Виктор.

– Как я пойду в штаб полка, если я грязный, в парке же я был. Меня же опять поймает начальник штаба полка, и крик будет стоять на весь полк, – невозмутимо, спокойно ответил Кашин. Каверин при этом смотрел в пол.

- И чем ты там испачкался, в парке? – уже зловеще-спокойно спросил Виктор.

- Ничем, мы ничего не делали, но я был в танковом комбезе грязном.

- И что помешало тебе переодеться и прийти ко мне?

– Не додумался, извините, товарищ старший лейтенант, – уже с издевкой явной ответил Кашин.

- А на обед ты как пошел?

– Переоделся, конечно, – смотря прямо в глаза, с вызовом ответил Кашин.

– Признаю, что от бессилия и безвластия у меня одно желание: врезать, Саня, тебе по роже. Наслаждайся. Ведь ты довел меня, как, наверное, доводил учителей в школе. Наслаждайся моим бессилием, – с безысходностью в голосе произнес Виктор.

– Мне это не приносит удовольствия. Я бы помог, чем мог. И мне, кстати, стыдно. Но я сто раз говорил, что не могу я в вашей военной системе доставать и решать и не могу я с солдатами. Понимаете? Не могу их заставить. Не могу я людей заставлять, особенно если они не хотят ничего делать. Бить их тоже не буду. Ставьте мне задачу, где я бы мог выполнять работу лично, и вы меня не узнаете.

– Ну ты же офицер, командир взвода. Ты же должен учиться руководить, командовать.

– Не хочу и не буду. Я сказал, используйте мои способности, какие есть. Тогда не подведу. Вот Миша хочет быть у себя в деревне директором совхоза, поэтому у него все получается. Я другой.

– Кто из вас сегодня ответственный по роте?

– Моя очередь, – ответил Михаил.

– Что у тебя сегодня сделано?

– Ту часть траншей на запасном командном пункте, что нам нарезали, всю восстановили. Но там еще много работы, очень много. Надо стараться как можно больше людей туда направлять. С туркменами опять пришлось повоевать, одному ввалил как следует, шипят за моей спиной.

– Я поговорю с Курбаном. Чувствую, навалать придется многим и этому Курбану тоже, надоело уже это гадство. Не сделаешь – получишь от комбата, навалешь, чтобы заставить работать, – получишь от замполита полка, если узнает.

– Давно пора этого охреневшего Курбана на место поставить, – сказал Миша.

– Не все так просто. Сегодня займусь.

– Саша, ты хотел отдельную задачу. Получай. Пером писать умеешь?

– Умею, хорошо.

– Завтра после развода подойдешь к замполиту полка, он тебе поставит задачу по оформлению ленинской комнаты на пункте приема личного состава, чем-то обеспечит. Эту ленкомнату нарезали нашему батальону, ну а комбат – мне. Задача понятна?

– Вот это другое дело. Все сделаю, – ответил Саша.

– Если вопросов нет, все свободны. Юра, останься.

Я сидел молча и с трудом переваривал состоявшийся разговор.

– Ну что, увидел вершину айсберга?

– Да.

– С личным составом еще хуже. Совсем от безнаказанности оборзели. Замполит их в задницу целует, а они совсем обнаглели.

– А ты какое училище закончил, где служил?

– Я Киевское ВОКУ окончил, потом взводным три года в Польше. Золотые времена. Потом еще год здесь, тоже взводным в разведроты. Предложили мотострелковую роту, я согласился. Командую этой так называемой ротой уже полтора месяца, в следующем году капитана надо бы уже получать.

Виктор посмотрел на часы, вышел из дверей канцелярии и громко крикнул:

– Дневальный! Скажи Курбану, пусть срочно ко мне зайдет.

Вернулся, сел за стол и произнес:

– Это ч..ка, Курбан, он у них здесь авторитет. Я еле-еле терплю. Но похоже, мое терпение закончилось. Я ведь все время служил в разведроты, там одни славяне, а здесь еще этот национальный фактор. Как говорят политработники, надо учитывать обычаи и традиции разных народов. Только я задолбался это делать.

В это время дверь канцелярии роты широко распахнулась, и в нее наголовато ввалился азиат. Крючок на воротнике не застегнут, как и верхние две пуговицы. Форма сильно ушита, бляха ремня изогнута подковой, а сам ремень ослаблен максимально возможно, сапоги обточены по последнему слову зоны, на голове огромная грива волос.

– Я здесь, что хотели? – произнес Курбан.

Лицо Виктора резко побледнело, и кожа приобрела зеленоватый оттенок. Полоска губ стала белого цвета. Тем не менее Виктор спокойно произнес:

– Проходи, Курбан, и прикрой за собой дверь, пожалуйста.

Курбан прошел и сразу сел на стул у стола.

– Курбан, что там сегодня произошло?

– Так, ничего, этот летёха совсем обнаглел, избил моих земляков. Теперь отвечать будет.

– Как отвечать?

– Посмотрим. Он обидел настоящих мужчин.

– А почему они ему не подчинялись?

– А кто он такой?

– Курбан, мы же с тобой договорились обо всем. И ты мне обещал, что проблем не будет.

– Там надо было копать, это работа для русских, туркмен не должен делать такую работу.

У вас что, русских или хохлов нет?

– Еще раз. Мы с тобой о чем договорились?

– Че? Я с тобой не договаривался, что туркмены будут делать работу русских. Понял?

Пошел ты на..., старший лейтенант! Если рыпнешься, я тебя накажу. Всех порежем.

Курбан резко вскочил со стула, но выпрямить ноги не смог – в него уже врезался сапог Виктора. Курбан рухнул на пол, на бок и выпустил какой-то звук, похожий на скрип. В это время Виктор нанес еще один удар ногой в район почек, потянул Курбана за шиворот в середину комнаты и тут же начал точно, с прицелом, методично наносить удары в туловище. По всему было видно, что Виктор серьезно чем-то занимался.

– Юра, закрой дверь на ключ, он в двери торчит, и возьми из шкафа вафельное полотенце.

Я все это быстро проделал. Курбан валялся на полу и издавал хрипы. Виктор подошел не спеша к столу и из ящика достал веревку. Затем связал Курбану руки сзади, потом ноги и потом их соединил. Было видно, что делает он это не первый десяток раз.

– Слушай внимательно, чу..бан! Если начнешь орать, заткну рот полотенцем. В любом случае ты первый на меня напал, свидетель – лейтенант Тимофеев. Второе, ты больше никогда не назовешь ни одного офицера на ты – и меня тем более. Никогда ты не посмеешь такие слова говорить офицеру, какие произнес сейчас твой вонючий рот. Никогда больше ты не подойдешь к офицеру в таком виде. Ты будешь делать все, что я и мои офицеры скажем. Если ты хоть с чем-то не согласен, я буду тебя пытать всю ночь, а утром выставлю перед всем батальоном лысым, пописаю тебе на лицо сам и заставлю это сделать многих солдат.

Тишина.

Виктор взял ремень Курбана и нанес ногой удар по бляхе ремня, которая распрямилась. Потом молча ножиком начал распарывать ушитую форму Курбана, оторвал толсто подшитый подворотничок и принялся распарывать голенища обточенных сапог.

После этого достал из шкафа телефонный аппарат ТА-57.

– Не надо, товарищ старший лейтенант. Я знаю, что это. Не надо. Я согласен.

– А где гарантии, что ты меня не обманешь, ч...н ты долбаный?

– Что сделать?

– Бумагу сейчас напишешь на каждого туркмена, напишешь все, что знаешь. В общем, я из тебя делаю стукача, шестерку. Эту бумагу я никому не показываю и отдаю тебе лично в руки, когда поедешь домой, а ты будешь моим слугой. Слугой! Понял? Теперь я для тебя

господин. Ты не хотел, чтобы я был тебе товарищем офицером, ты, ч... ка, лучше понимаешь, когда тебе господин приказывает, так?

– Нэт.

– Сейчас мы посадим тебя на стул и за стол, будешь писать. Одна рука будет привязана к ногам, а правая будет свободной. Это потому, ч... ка, потому, что тебе, обезьяна черная, верить нельзя. Понял?

– Понял.

– «Так точно, товарищ старший лейтенант», – надо отвечать. Повтори.

– Так точно, товарищ старший лейтенант.

– Теперь, прежде чем тебя посадить на стул, расскажи мне устно, что ты напишешь на своих друзей, ч...к.

Молчание. Виктор начал бить Курбана толстой книгой по голове слегка.

– Опять меня решил обмануть? Говори.

– Сейчас расскажу. Хватит, пожалуйста.

– «Пожалуйста, не бейте меня, мой господин, товарищ старший лейтенант, я же ваш слуга, верный вам». Повтори.

Курбан исправно повторил.

– Юра, возьми в шкафу мой магнитофон, возьми там любую кассету, отмотай в начало – и по моей команде включишь запись.

Курбан глубоко вздохнул.

– И еще, если я узнаю, что ты или твой земляк обидите хоть какого-нибудь русского или любого славянина, последует разрыв нашего договора. Понял? Теперь начинай рассказывать. Если мне рассказ не понравится, сначала начинаю стричь тебя налысо, потом подключу телефон.

Курбан начал свой рассказ. Несколько раз по команде запись я останавливал, и Курбан получал сильные удары, один раз опять достали ТА-57. После звукозаписи мы его развязали. Все было кончено. Сломлен. Начал писать все на бумаге, на каждого земляка отдельный лист. Закончили мы уже после 23 часов. Виктор приказал ему постричься через день, чтобы Курбан всех смог убедить, что ему самому надоела такая длинная прическа.

– Вот так, Юра. Это твой первый офицерский день службы. Извини.

– Для меня это такой урок, который я за четыре года в училище не получил.

– Завтра, если получится, пойдем ко мне в комнату, в общагу. Я там сейчас один, поужинаем, поговорим и познакомимся. Насчет еды и выпивки не беспокойся, у меня все есть.

После КПП наши дорожки разошлись. Я пошел к себе.

В комнате свет был выключен, но светил экран маленького телевизора.

– Привет! Меня зовут Юра, – произнес я, протягивая руку вставшему с кровати парню.

– Привет, меня – Алексей.

Я включил свет.

– Кушать будешь? Ужинал? – спросил Алексей.

– Не ужинал, покушал бы с удовольствием.

– Поставлю чайник.

Леша поставил чайник, достал порезанный батон и варенье, а на плитке зашипело что-то жареное.

– Я знал, что у меня новый сосед, и вот решил тебе оставить немного жареной картошки с луком.

– Здорово! Спасибо, Леша.

Я с удовольствием начал кушать. Леша достал бутылку зубровки и предложил немного выпить. Я сразу согласился. Увиденное мною сегодня вечером взбудоражило меня не на шутку. Леша был родом из Минска, добродушный, спокойный парень.

– Леша, извини, если обижу, но ответь мне на вопрос: как тебе в голову мысль пришла стать военным финансистом? Я даже не слышал о твоём Ярославском училище. Понимаю, когда поступают в танковое, летное, ракетное, десантное, но почему в финансовое?

– Все просто, я не создан быть командиром и не гуманитарий, но и на гражданке делать мне нечего. Понимаешь?

– Честно говоря, не понимаю.

Выпили половину бутылки и решили остановиться. Я пошел в душ и стоял под ним не менее получаса. Осмыслял произошедшее. Получается, что правит всем страх и сила, никакие уговоры и договоры не помогут. С воинской дисциплиной все очень и очень плохо. Учимся и делаем выводы.

Утром перед разводом Виктор сначала представил меня перед строем роты личному составу роты, а после развода полка комбат представил меня всему личному составу батальона. Специально из всех мест в этот день собрали весь наличный состав моего взвода вместе, и я его повел в парк. Туда же пришли Виктор и комбат. Виктор показал мне три моих БМП-1, а весь личный состав по его команде раскладывал перед машинами ЗИПы и имущество для приемки дел и должности. Впрочем, принимал не я, принимал за меня комбат. Развернулось нешуточное действо, все бегали и очень старались, но не помогло. Всему увиденному комбат поставил твердую «неудовлетворительно» и ушел со словами:

– Тимофеев, жду рапорт о приеме дел и должности.

После ухода комбата Виктор приказал все сложить на место, а машины завести и выгнать на прочерченную перед боксами «линию боевой готовности». Все три машины выехали, я залез в каждую из них и проверил все, что можно было проверить. После этого машины загнали обратно, причем одну из них загнал я сам, лично.

– Все, Юра, больше людей держать не могу, надо отправлять по местам работ. Все закрываем, сдаем и идем в канцелярию, там сделаем бумажную работу.

Но перед тем как уйти из парка, Виктор решил мне показать, где находятся боксы остальных подразделений нашего полка. Мы не спеша подошли к тыльным воротам, где перед нами во всей красе развернулась следующая картина: стояла колонна из одиннадцати БМП, незаведенных, перед колонной стоял строй в полном снаряжении с вооружением, который тянул на полноценную мотострелковую роту, то есть в целом в нем стояло около ста человек. Перед строем стоял командир и ставил задачи.

– Что это? – с удивлением в голосе спросил я у Виктора.

– Это первая мотострелковая рота нашего полка.

– Эта рота полностью укомплектована?

– Да, полностью. Пойдем отсюда, я тебе все расскажу. Завидуешь?

– Да, очень завидую.

– Понимаю.

По прибытии в канцелярию роты мы взялись за бумаги.

– Смотри, Юра, я недавно принимал роту и составил акты. У меня все есть, эти акты есть во всех службах, и по ним все, что можно, или уже списано, или находится в стадии списания. Советую тебе переписать мои акты. Написать рапорт и покончить с бумажными делами. Все равно говорят, что весь наш полк в следующем году перевооружат на БМП-2, а эту технику направят на списание.

Бумажные дела заняли весь день, до обеда. После обеда я зашел в канцелярию, где за столом сидел Виктор и что-то писал.

– Пообедал? – спросил меня Виктор.

– Пообедал.

– Сейчас я тебе расскажу, как мы с тобой служить будем. А вечером, как договаривались, пойдем ко мне на ужин.

– Отлично.

– Значит, так. Ты видел сегодня в парке первую роту. Эта рота особенная, она полностью укомплектованная, там все офицеры кадровые. Даже замполит роты есть, и прапорщики есть все, какие положено: старшина и техник. Все солдаты на месте, включая санинструктор роты. Техника вся в отличном состоянии. На эту роту работает весь полк, да что там полк – вся дивизия. Почему? Потому что командует этой ротой уже год дикорастущий старший лейтенант, и получил он эту роту практически вместе с погонами старшего лейтенанта. Получил он эту роту не потому, что он умный, а потому, что он продолжатель знаменитой какой-то там офицерской династии, где были и герои Советского Союза, и прочие отличившиеся. А отец у него, генерал-полковник в Генеральном штабе, хочет, чтобы его сынок побыстрее проскочил дистанцию взвод – рота – батальон и поступил в академию, но чтобы все звучало громко, ему надо сделать так, чтобы его незаурядный сын доказал свой военный талант. Задача такая стоит, чтобы его сын три года «делал роту отличной». Спросишь, почему здесь, в Сибири? Ответу: потому что командующий округом – друг его отца. Все просто. Понял?

– Понятно.

– Меня тошнит от этого. Но только попробуй хоть слово скажи против. В порошок сотрут.

– А есть еще такие подразделения?

– Таких больше нет. Есть нормальные. Вот в танковом батальоне первая танковая рота тоже полностью укомплектована, в артиллерийском дивизионе первая батарея полностью укомплектована, в зенитном дивизионе батарея «Шилок» тоже полностью укомплектована, ну рота связи и разведроты более-менее укомплектованы. Но во всех этих подразделениях офицеры пашут как проклятые, и никто им не помогает, только долбают.

– А офицеры в первой роте тоже все блатные?

– Нет, ни командиры взводов, ни замполит роты не блатные. Туда специально тружеников подбирали, они там пашут день и ночь. Замполит роты у них, тот вообще ценный кадр, он в свое Новосибирское ВВПОУ поступил с детдома, детдомовский и отличный замполит. Вот как подбирают людей. Понимаешь? Но ты еще увидишь, как этот командир роты со своими офицерами разговаривает. И посмотришь, как прапорщики у него летают. Не советую с ним задираться, он сволочь. Сволочь, которой создали все условия, офицеры и прапорщики первой роты не знают, что такое караул, или наряд, или прочие мероприятия. Мы за них службу тащим, у них только боевая и политическая подготовка, даже солдаты ходят только в наряд по своей роте.

– А как он как человек?

– Все он понимает. Но у него установка такая: идти по головам. Он и прет прямо по головам. Зато дисциплина в роте железная, там нет дедовщины, там все славяне. Там даже солдат если не подойдет – меняют. Вот у тебя во взводе есть такой солдатик, Леха, все его Лехой зовут. Это мой любимец. Настолько добрый и честный парень, что такого и встретить тяжело, так ведь он был в первой роте, но не подошел, и его к нам направили. Повезло нам.

– Спасибо, что предупредил.

– Теперь смотри. Я тебе объясню, как мы служить будем. Ты не будешь, как положено, заниматься только своим взводом – не получится и не дадут. У нас в батальоне все занимаются всем. Начнешь летать в караулы, наряды, туда страшим и сюда старшим. И боевую подготовку первой роте будешь обеспечивать, а может, на проверке даже в форме солдата будешь изображать наводчика-оператора в БМП первой роты. С личным составом поставь себя сразу и однозначно. Не будешь знать как – спрашивай. Помогу.

Я отпросился у Виктора сходить на переговорный пункт, позвонить родителям, ведь вечером я не мог, потому что слишком большая разница во времени. У родителей все шло нормально, ну и я их успокоил.

Вечером мы хорошо посидели у Виктора, распили бутылку водки.

На следующий день пришла телефонограмма из штаба округа, в соответствии с которой всем молодым выпускникам училищ через десять дней надлежало явиться на трехдневные сборы в Омское ВОКУ. Первым делом я побежал звонить Светлане. Не был уверен, что она обрадуется моему приезду в Омск. Однако, к счастью, ошибся, она очень обрадовалась. Обязательно надо будет купить ей цветы. А что еще? Надо бы в городе в магазины сходить.

В воскресенье мне дали выходной. Я выспался, попил чаю и пообещал своему соседу принести продуктов. Пока что я бессовестно его объедал. В промтоварных магазинах я ничего для Светланы не нашел. В продовольственных магазинах вообще ничего, кроме хлеба, рыбных консервов и сметаны в бидонах, тоже не нашел. Поехал на городской рынок. Цены там оказались умопомрачительными, причем из говядины лежал только у одного продавца последний кусок на кости. Решил купить и сварить щи. Купил овощи. Зашел в гастроном, купил хлеб, рыбные консервы и сметану.

К обеду сварил нам щи со всем имевшимся мясом. Допили оставшуюся половину бутылки зубровки.

– Юра, ты не хочешь здесь с кем-нибудь познакомиться?

– Хочу, конечно. Но не знаю, как и где.

– Меня зовут в одну компанию, там будет много незамужних, пойдешь?

– А разведенные и не очень молодые там будут?

– Не понял.

– Чего тут непонятно. Твои молодые и незамужние, что им от тебя нужно? А я жениться категорически не хочу. Мне бы как-то так, чтобы никому не быть обязанным.

– Ну ты даешь! Где же таких взять?

– Не знаю. Знал бы, уже бы там сейчас вино пил.

– Ну смотри, как знаешь, я сегодня к семи вечера туда выдвигаюсь, мог бы и тебя взять.

Я задумался. А что делать? Тоска. Никого здесь не знаю. Надо с людьми знакомиться, а не о Ленке вспоминать. Ну вот, вспомнил, разбередил. Ух, сейчас бы служить где-нибудь в Прибалтике! Тянет меня туда, тянет. Родная мне Прибалтика, как я по тебе скучаю и люблю.

– Леша, я передумал. Возьми меня с собой. Скучно мне.

– Другое дело, я тоже сейчас посплю. Выходим в 18 часов 15 минут.

Алексей где-то достал две бутылки грузинского вина по госцене. Ушлый. Это был наш подарок. Деньги за него я отдал Алексею.

Мероприятие проходило в красивом сталинском доме, трехкомнатная квартира, просторная. Хозяйка квартиры самая красивая из всех и немного постарше остальных, три девушки – молодые учительницы, и нас тоже четверо – офицеры. Один из офицеров – начальник продовольственной службы нашего полка, капитан, второй – из другого полка, командир ремонтной роты, тоже капитан, и мы с Алексеем.

Разместились, все смеются без причин. Натянута немного обстановка. Закусок негусто. Из кухни сильный запах запекающейся курицы. Наконец, сели за стол. Инициативу в свои руки взяли капитаны. Которые выставили на стол водку и коньяк, фрукты. Мы выставили дыню и вино. Начали выпивать и говорить какие-то идиотские тосты. Я присмотрелся к присутствующим девушкам. Самой соблазнительной была хозяйка квартиры, она явно с начпродом, а ее подруга – с Алексеем. Теперь понятно все. Начпрод и начфин быстро снюхались на службе, родственные души. Начпрод познакомил Алексея с подругой его подруги, а нас с командиром ремроты позвали ради их подружек. Разобрался. И какая же предназначается мне? Впрочем, без разницы, меня не интересует ни одна, ни вторая. Начались танцульки. Я остался один на один со склонной к полноте молоденькой девушкой. Танцевать отказался. Говорить с ней не о чем. Скромная и хорошая девушка, но обижать ее мне не хочется. Скучно мне с ней. Надо уходить. Господа офицеры уже изрядно подпили, девушки – лишь слегка. Я отвел Алексея в сторону и спросил:

- Леша, ты не обидишься, если я уйду?
- Это как, почему?
- Леша, эта мадам меня не устраивает, и мне скучно.
- Посиди еще хотя бы полчаса. Ладно?
- Ладно.

В это время девушка, предназначавшаяся мне, извинилась и начала собираться.

- Юрий, вы девушку не проводите? – поинтересовалась подруга начпрода.

– Подожди, Юра хочет еще с нами посидеть, – мгновенно парировал начпрод. Он обо всем догадался и отнесся ко мне с пониманием. Его подруга пристально на него посмотрела, но все же согласилась и пошла проводить подругу и закрыть за ней дверь.

– Так, ребята, на кухне больше не курим, выходим на лестничную площадку, – распорядилась хозяйка.

Все пошли курить, пошел и я за компанию.

Вернулись, выпили, закусили.

- Спасибо вам большое, но, если вы не против, я бы хотел уйти. Мне завтра рано вставать.
- Не спешите, Юрий. Оставайтесь еще на немного. Повеселитесь с нами.

Начпрод отвел меня в сторону и сказал:

– Не спеши, вот-вот должна подъехать одна разведенка, не старая, красивая, с хорошей фигурой, она дочку к родителям отвезет и приедет. Я ее видел, если бы был свободен, я бы сам с ней занялся.

Отлично. Это уже интересно. Надо подождать. Все вернулись за стол, и я принялся есть куриную грудку.

В дверь позвонили, хозяйка бросилась открывать дверь. Через несколько минут в комнату вошла молодая женщина, лет двадцати восьми, высокая, стройная, с большой грудью, хорошая прическа, яркий макияж и алый лак на ногтях выдавали основательную подготовку к этому мероприятию. Все познакомились. Ее звали Анна.

Это совсем другое дело. За столом оживились, стали много говорить, выпивать и меньше закусывать. Я, несмотря на подколки, выпивал совсем понемногу. Танцы. На сей раз я согласился. Выяснилось, что Анна закончила какой-то институт народного хозяйства и работает товароведом в гастрономе, родители устроили. Кто у нее родители, я не спросил, а она не сказала.

- Мне пора домой, извините, – произнесла Анна.
 - Можно вас проводить? – спросил я.
 - Что за вопрос, Юрий. Конечно, можно, даже нужно, – опередила Анну хозяйка.
- Мы с Анной вышли на улицу.
- Куда идти? – поинтересовался я.
 - Немного пройдем до стоянки такси, я возьму такси, пешком до моего дома не дойдешь.
 - А где ты живешь? Я еще совсем город не знаю.
 - На АБ, это у нас так район называется. Отдельная история, потом как-нибудь расскажу.
 - Ты разрешишь тебя проводить до дома?
 - Только до дома.
 - Хорошо.

Мы слегка прогулялись, потом подождали такси и поехали на АБ. Я рассчитался за такси.

- Юра, не отпускай машину, потом не выберешься отсюда. Я сама дойду.
- Почему?
- Что почему?
- Почему?
- Вас ждать? – выглянув из-за крыши машины, спросил таксист.
- Подождите немного, пожалуйста, – произнесла Анна.

– Только недолго, – ответил ей таксист.

– Почему, Анна?

– Сколько тебе лет, Юра?

– Двадцать один исполнился.

– Вот видишь, я намного тебя старше. Понимаешь?

– Понимаю. Я же не предлагаю тебе замуж. Мы могли бы интересно проводить время.

Мне одиноко, и тебе, видимо, тоже.

– У нас нет совместного будущего.

– Это точно. Но знаешь, дай мне на всякий случай свой телефон, и я тебе как-нибудь позвоню.

– Хорошо, – ответила Анна и достала из сумочки блокнотик с ручкой, написала в нем телефон, вырвала листик и протянула мне.

– Спасибо, и всего тебе хорошего. Как-нибудь позвоню.

– Пока.

Я сел в такси и поехал в свою общагу. По приходе принял душ, лег спать.

Позвонил Анне только в пятницу. Договорились встретиться в субботу.

Аня встретила меня с радостью.

Мы пили вино, ели вкусную еду. В воскресенье гуляли и сходили в гости к ее знакомым.

В понедельник на разводе получил задачу. Мы с Виктором выезжаем на полигон на Зил-131 с восемью солдатами, приводить в порядок стрельбище.

Виктор поставил задачу бойцам. Потом мне показал все объекты на полигоне, было видно, что с моим появлением он не рассчитывал часто заниматься решением таких задач. На полигоне мне понравилось больше всего, здесь начальства мало. Но иногда можно присесть к нормальным подразделениям и пострелять. Сегодня стрельб не было, все объекты приводились в порядок.

Когда мы с Виктором вернулись, то увидели, что трое туркмен не работают. Виктор быстро их построил и спросил:

– В чем дело?

Тишина.

– В чем дело, я не понял?

– Не положено, – ответил один из них.

– Это почему не положено? – вкрадчиво поинтересовался Виктор.

– Мне домой пора, и такую работу должны русские делать.

– Кто еще такого же мнения? – спросил Виктор, при этом внимательно осмотрелся по сторонам. Впрочем, мы стояли за зданием, и нас могли увидеть только со стороны самого стрельбища, но там никого не было и начальство обычно там не ходит.

– Все, – ответил второй туркмен.

– А ты почему молчишь? – обратился Виктор к третьему туркмену.

– Эту работу туркмен не может делать, – ответил третий.

– Почему?

– Туркменам западло, – ответил все тот же третий.

– А по-твоему, кто я по национальности? – спросил Виктор.

– Русский, или белорус, или хохол, нам без разницы. Вы все русские, – ответил третий туркмен.

– То есть я должен такую работу делать, а ты не должен. Я правильно понял?

– Вы офицер, вы тоже можете не делать.

– Разрешил. Спасибо. То есть вы себя к офицерам приравняли?

– Нет. Мы не офицеры, мы туркмены. Мы гордый народ.

Виктор влепил кулаком в лицо этому третьему туркмену, который отлетел к стенке, и тут же нанес сильнейший удар по второму. Я без приглашения нанес целую серию ударов по первому туркмену.

– Все, не бейте, не бейте. Все. Хватит, – заорал мой туркмен.

Тем временем один из туркмен пришел в себя, схватил осколок кирпича и надвигался на Виктора. Я нанес ему сильный удар носком сапога точно в копчик. Округу известил громкий рев. Прибежали наши оставшиеся выполнять работу солдаты-славяне. Мы с Виктором продолжали избивать туркмен. Потом построили всех, привели к канаве и заставили туркмен ее чистить, остальным бойцам Виктор объявил:

– Эти ч... ки возомнили о себе, что они высшая раса. Эти обезьяны считают, что они выше русских. Это мы, русские, Россия вытащила этих овец из говна, они не знали до прихода русских, что такое туалет. Ты, ч... ан, дома чем жопу вытираешь? – Виктор пнул одного из них.

Тишина. Я нанес несколько ударов.

– Ты, обезьяна, должен подпрыгивать от счастья, когда тебе русский вопрос задал, из-за того, что русский снизошел до того, чтобы поинтересоваться твоим овечьим мнением.

– Мы не пользуемся бумагой.

– И вот мы, русские, приравняли этих вонючих дикарей к себе, они получили те же самые права, что и русские. Англичане умнее нас, они бы так никогда не поступили, а германцы тем более. Так вот, эти ишаки восприняли это как нашу слабость и решили себя поставить выше нас. Будем переубеждать. Все русские сегодня не работают и смотрят, как будут ишачить ч... ны. Понятно, ребята?

– Так точно, товарищ старший лейтенант, – дружно ответили бойцы-славяне.

– А то как в караулы ходить, ч...к не ставить. Как работать, тоже славян подавай. Нет, все, теперь эти три туркмена – низшая раса, а вы, славяне, нация господ.

Работа пошла полным ходом. Славяне разместились в сторонке и принялись курить.

– Виктор, они все в фингалах. Что делать будем?

– Ничего. Я Курбана предупрежу.

Привезли обед на восемь солдат в бачках.

– Значит, так, славяне, съедаете весь обед сами. Ч... кам ничего не давать, не заслужили.

Не хотите сами есть – выливайте.

Мы с Виктором подошли к туркменам.

– Строиться, – подал команду Виктор.

Туркмены медленно вышли и построились.

– Отставить. Медленно очень.

Туркмены вернулись в канаву.

– Строиться!

Туркмены быстро построились.

– Отставить!

Виктор проделал это упражнение несколько раз.

–обеда вам не будет. Не заслужили. Понятно?

– Так точно! – хором ответили туркмены.

– Быстро рыть! Быстро! Меня не устраивает, как вы работаете. Каждый ч... ка должен работать за трех русских.

Туркмены принялись с усердием освобождать канаву от грязи.

Тем временем славяне поели. И один из них произнес:

– Товарищ старший лейтенант, вы чай будете? У нас есть заварка и сахар.

– Ставь и на нас, вот, возьми у меня кулечек грузинского, – ответил Виктор.

Мы с Виктором сели за деревянный столик с лавками, на котором только что ели бойцы, и Виктор достал из своей сумки сахар, консерву «Завтрак туриста» и скумбрию в масле, луковицу, а также несколько кусков черного хлеба.

– А я ничего не догадался взять, – произнес я.

– Поэтому я взял на двоих. Эй, бойцы, у вас там как с хлебом?

– Черный остался, много, и белый есть, но немного, – ответил один из бойцов.

– Дайте нам немного черного, если не жалко, – произнес Виктор.

Бойцы приволокли буханку черного. Виктор достал газету, расстелил и начал открывать консервы, порезал хлеб и луковицу. Мы принялись кушать. Тем временем бойцы развели костерок и на какие-то металлические пруты вывесили над ним четыре котелка с водой.

– Воду где взяли? – спросил Виктор.

– Прапорщик с обедом привез целый термос.

– Другую воду нигде не набирайте. Как только вода в котелках закипит, скажите, я хочу сам заварить.

– Есть.

Я вкратце рассказал Виктору, как провел выходной.

– Отлично. Товаровед в гастрономе. Молодец. Будешь и мне колбаски подкидывать.

– Я даже об этом не думал.

– Напрасно. Это жизнь. А ты неплохо умеешь драться.

– Занимался немного.

– Советую тебе начать заниматься физподготовкой. Прибегай к бойцам на зарядку. Два дела одним махом сделаешь. Я комбату скажу, чтобы он тебя в таком случае от развода освободил, чтобы ты успел помыться и позавтракать. Он согласится. А бухать старайся не чаще чем один раз в неделю, в субботу например. Выходной на это не трать, мой тебе совет. Я тут тоже с одной встречался, но вовремя остановился, уж очень она меня в брак хотела втянуть. Сейчас никого нет. Надо искать.

Тем временем вода закипела. Виктор снял один котелок, насыпал заварку, накрыл крышкой и поставил рядом с костром.

– В этом котелке заварка, наливайте через минуты 3—4, – сказал Виктор бойцам.

Чай заварился крепкий. Виктор достал из сумочки маленькую баночку варенья вишневого и пачку печенья.

– Подходите по одному с хлебом, каждому дам немного варенья, – крикнул Виктор.

Бойцы начали подходить, и Виктор каждому на хлеб лично налил варенья.

Обед закончился, мы несколько раз проверяли качество работ наших туркмен. Претензий не было. Все хорошо. Надо же, как все вышло. Опять же страх и сила, по-хорошему никто не понимает. На что они рассчитывали? Рассчитывали, что Виктор не будет с ними связываться. Не захочет.

Эти туркмены, этот их Курбан – это тоже моя Родина? Не нравится она мне в таком случае. Ну а вот Леха, механик-водитель из моего взвода, это моя Родина, за такого солдата я сам любого порву. Ну а эти пять солдат-славян, которые работали за этих туркмен? Они тоже моя Родина, нормальные люди. А с ними-то можно по-человечески? Не уверен. Надеюсь, можно. Родина, какая же ты огромная и разная. Эти люди и есть моя Родина. Сегодня первый раз я ударил солдата. Звучит страшно. Не солдат он вовсе, ч...ка, да еще нацист туркменский! Таких можно. Правильно Виктор решил им продемонстрировать, какой может быть нацизм русский, он это специально. А ведь все комсомольцы. Смех, да и только.

– Эй, ч... ки! Сюда подошли! – скомандовал Виктор.

Туркмены быстро подбежали к Виктору.

– Ну что, низшая раса, жрать хотите, свиньи?

Тишина.

Виктор с размаху ударил одного в лицо.

– Я вопрос задал.

– Так точно, – хором ответили туркмены.

– Каждый подходит ко мне и получает пайку. После получения благодарит точно так, как вы у себя дома благодарите уважаемых начальников.

Первым подошел туркмен, стоявший ближе всех к столику. Виктор налил ему в кружку кипяток и дал кусок черного хлеба. Туркмен произнес какие-то слова и поклонился. То же самое проделали все остальные.

По прибытии в полк Виктор сразу меня отпустил, а сам пошел к комбату.

Вся неделя пролетела быстро, в пятницу я позвонил Анне, она сказала, что у нее на эти выходные ничего не получится, так как некуда деть ребенка, родители хотят ненадолго уехать. Я сказал ей, что уезжаю в командировку, но как приеду, то ей сразу позвоню.

Сборы начинались в понедельник в десять утра. Я приехал в Омск, к Светлане попал примерно в восемь вечера в воскресенье.

Пришел в училище заранее, для того чтобы встретиться со своими командирами бывшими. Встретился. Все прошло как-то очень прохладно. Понятно, у них уже другие заботы и помыслы.

Начались занятия. Послушали выступления офицера из политуправления округа. Он рассказал о том, какая непростая обстановка складывается в каком-то там Нагорном Карабахе, Азербайджане. Потом перестройка, гласность, демократизация, борьба с привилегиями, близость к людям, прочая болтовня. Поразила полная оторванность от реалий жизни и деятельности войск. Опять врем сами себе. Везде ложь, поэтому мы не уважаем начальство, оно не уважает нас, все вместе мы не уважаем в целом свое государство. Уже считаем нормальным, что все друг другу врут, ведь все вокруг нормальные люди и понимают, что происходит. Долго этот полковник распинаялся о том, что межнациональные отношения – это сложное понятие, но мы, офицеры, должны учитывать национальные традиции и обычаи и проявлять заботу о людях. В общем, все сводилось к тому, что офицеры должны целовать солдата прямо в жопу. Все, без исключения, офицеры, с которыми я потом разговаривал, были обозлены на его выступление. Слышал бы этот дурак, что о нем потом говорили!

Потом представитель разведуправления округа рассказал что-то унылое про Афганистан, из которого выводятся войска, потом про НОАК и еще что-то про НАТО. Ничего конкретного, очень схоже с выступлением полковника из политуправления. Такой же дурак. Раньше я был лучшего мнения о наших разведорганах.

Потом обед, очередные какие-то лекции. Единственное светлое пятно – это выступление полковника из какой-то из служб вооружения управления округа. Из его выступления мы узнали, что округ должен пополниться новым вооружением, планируется поступление Т-80, БМП-2, БТР-80, ЗСУ «Тунгуска», «Тор», «Бук», САУ 2С3М1 «Акация», вертолетами и штурмовиками.

Вечером я был у Светланы, и мы решили сходить в ресторан.

На следующий день нас вывезли на полигон. Единственное светлое пятно. Я отвел душу: пострелял из всего, из чего только можно, поводил БМП. Пrowadить танк не получилось. Исхитрился, из БМП-2 отстрелялся два раза, а потом еще и из БМП-1 под предлогом того, что у меня во взводе как раз БМП-1. Мою хитрость в последний момент поняли, но махнули рукой.

В последний день сборов нас развели по группам, мы написали контрольные летучки, потом сдали нормативы по физподготовке, потом выступил какой-то тупой генерал, который нам рассказал, какие мы все дураки и ничего не знаем и как все у нас плохо. В общем, генералу с офицерами не повезло. Мы же придерживались другого мнения, считали, что нам не повезло с генералами, раз в нашей армии генералами становятся такие тупицы. После выступления этого дебила нас начали отпускать.

Я еще одну ночь провел у Светланы и поехал только утром. Света поделилась со мной, что любит женатого подполковника-преподавателя, но он на нее не смотрит, да и она не хочет разбивать его семью. Вместе с тем познакомиться с кем-то приличным тоже не может, нет таких мест. На прощание Светлана просила ее не забывать. Мне стало ее очень жалко. Уехал с тяжелым сердцем.

Эта поездка в родное училище позволила мне посмотреть на него с другой стороны. Мы, его выпускники, знали много об училище в советские времена. Конечно, не всем нравилось звание «курсант», и многие во время учебы мечтали, чтобы нам вернули воинское звание «юнкер». Это, конечно, было нереально. Марксистско-ленинский догматизм не позволит принять такое решение. Это понятно. Курсант – это тот, кто обучается на курсах. Как их называли после революции, курсах красных командиров. Сейчас обучение в училище ничего не имеет общего с теми самыми курсами, но звание такое оставили. Неправильно.

Сейчас я немного по-другому посмотрел на организацию учебы в училище. Строевая подготовка, доведенная до какого-то абсурда, мешала изучению фундаментальных дисциплин. Это сейчас я как-то почувствовал очень остро. Занятия по строевой у курсантов в училище не прекращались. Не пойму, зачем столько драгоценного времени на нее тратить? Отказываться от нее не надо, но сократить можно сильно. А вместо этого дать побольше времени на фундаментальные дисциплины. По-моему, эта мера очевидна. Очевидна для меня. Для начальства нет. Плохо.

Сама жизнь и быт курсанта в училище мало отличались от жизни солдата срочной службы. Опять же почему бы не сделать эту самую жизнь на старших курсах более похожей на жизнь офицера? Зачем на занятиях в аудиториях сидеть в полевой форме? Надо готовить нас именно к офицерской службе. Тогда не надо будет генералам выступать и заявлять, что некоторые вновь прибывшие молодые лейтенанты пустились во все тяжкие и много чего натворили. Понятно. Наконец получили свободу. Надо, чтобы курсанты освоились и привыкли к офицерскому укладу еще в училище, а не приезжали в войска и начинали куролесить. Конечно, командованию училища так проще. Но кого должно это интересовать? Их дело – нас готовить к войскам.

Застыло все на послевоенном уровне и стоит, не движется.

Знакомство с Анной развивалось своим чередом. Иногда в разных компаниях мы выезжали на шашлыки. Анна снабжала меня всякими продуктами, неизменно стеснялась брать за них деньги с меня, но я был непреклонен (никогда бы себе этого не простил).

Нашему знакомству с Анной особенно радовался мой сосед по комнате, Леша. Вопрос с пропитанием был решен основательно, и мы завтракали и ужинали хоть и в разное время, но у себя в комнате (при возможности), обедал, если был в полку, в офицерской столовой или брал с собой на выезд продукты. В оставшуюся часть месяца вхождения в должность съездил еще на одни сборы, на Юргинский полигон, там все было более правильно, минимум болтовни, зато были стрельба, и вождение, и занятия по военным дисциплинам. А в оставшееся время я пропадал с личным составом на складах РАВ (ракетно-артиллерийского вооружения) по причине того, что «двухгодичников» туда запрещалось допускать категорически.

– Юра, пойдем. Комбат нас вызывает, – только встретив меня с утра, сказал Виктор.

– Что-то случилось?

– Все нормально. Наоборот, он вчера вечером тебя хвалил. Говорил, что ему очень нравится, как ты с личным составом справляешься. У него своя разведка работает. Говорит: «Вот Тимофеев, какую задачу ни поставишь, со всем справляется, и деды у него все пашут, и ч... ки. Передай ему только, чтобы руками меньше ч...нов трогал, а то уже что-то там начало докатываться до замполита полка». Это он в присутствии всех офицеров, включая «двухгодичников», тебя вчера не было, а он там всем пряники раздал. Некоторые «пиджаки» чуть не плакали, умеет комбат с ними работать. Боятся они его.

– А где Саша Кашин? Сто лет его не видел.

– Все, пропал Кашин. Ему понравилось ленкомнаты оформлять, а замполиту полка понравилось, как он работает, и забрал надолго.

– А комбат что?

– А комбат добился, что ряд задач замполит полка с нас снимет, решит вопрос с командиром и начальником штаба полка. Я же говорю, комбат у нас не промах, его все уважают. Ему бы командовать развернутым батальоном, цены бы не было.

Тем временем мы подошли к кабинету комбата. Спросили разрешения войти, доложили о прибытии.

– Так, садитесь оба. Завтра оба заступаете в караул. Тимофеев, ты заступаешь стажером начальника караула у своего командира роты. Все, Тимофеев, для тебя расслабон закончен. Сходишь завтра, обязанностей – никаких. Сами знаете, в УГиКС (устав гарнизонной и караульной службы) никаких стажеров нет и быть не может. Но у нас будет. С начальником штаба полка я это согласовал. Задача понятна?

– Так точно.

– Тимофеев, когда ты сможешь мне доложить обязанности начальника караула, помощника, разводящего и часового?

– Не понял?

– Что вы не поняли, товарищ лейтенант? Что не понятно?

Я вскочил и произнес:

– Виноват. Все понятно. Сегодня до двенадцати ноль-ноль. Повторить немного надо.

– Повторить? Повторить надо. Жду ровно через час. Свободны оба.

Через час я пришел к комбату и спокойно доложил то, что он потребовал, и еще много чего, о чем он меня спросил.

– Молодец. Не будешь дурить и лениться – далеко пойдешь. Значит, слушай меня внимательно. Руками прекращай махать. Уже замполит полка там интересуется: что, говорит, там у тебя за офицер такой нашелся, говорит, что не умеешь ты находить подход к разным национальностям. Не перебивать меня! Он мужик нормальный, всю жизнь в пехоте. Все последовательно у него по службе: замполит мотострелковой роты. В Афганистане замполитом мотострелкового батальона был. Он все понимает хорошо. В переводе с его языка это означает, что возникла опасность, значит, ч...ны жалуются ему на тебя. Хорошо, что только ему. Он правильно поступает, аккуратно предупредил. Мы с тобой и твоим командиром роты люди умные и благодарные, поэтому сделаем выводы. Замполит полка тебя где-то прижмет и отдерет как следует, да так, что личный состав узнает об этом. Не вздумай ерепениться, прими как должное, если огрызнешься против замполита, то от меня пощады тогда не жди. Потому что мы с тобой люди умные, понял?

– Все понял.

– Моя обязанность как комбата – командиров взводов обучать и воспитывать. Дальше. Состав караула от нашего батальона почти один и тот же, меняется из караула в караул где-то четверть, но все люди одни и те же. Все обучены, и все славяне. Проблемных там нет. Ч... нов там тоже нет, одни славяне и пара прибалтов. Ну может, несколько дембелей попробуют тебя прогнуть. Руками не размахивать, это мой приказ! Это караул, все с оружием! Это действительно единственная боевая задача в мирное время. И необходимости там такой не должно быть. Работай через помначкаров, их трое всего, ходят в караул по очереди. Это лучшие, сильные и очень хорошие сержанты. Каждый из них имеет право приходить ко мне напрямую. Если что-то не будет получаться, лучше по-тихому вызови меня или начальника штаба. Я и так всегда проверяю караул в разное время. Если в караулах на тебя начнутся нарекания, придется опять командиров рот и батареи ставить, это плохо, они мне в парке нужны и в других местах. Тогда я тебя сгною. Не обижайся. Если есть вопросы, то лучше спроси.

– Никак нет. Но вот схожу в первый караул самостоятельно – там могут появиться.

– Теперь ты можешь ко мне напрямую по всем вопросам, особенно что касается караулов. В любое время. Пойми, мне там всяких самострелов и стрельб перед пенсией совсем не нужно. Понимаешь?

– Так точно.

– Все. С этим закончили. Сейчас идешь к командиру третьего батальона, он тебя ждет, поедешь с ним и его офицерами оружие первой роты пристреливать. Умеешь хоть?

– Так точно.

– Если забыл или не знаешь (не дай бог), лучше мне скажи, я тебя поменяю на твоего командира роты. Тебя сам потом потихоньку научу. А то ведь потом, если что, весь полк засмеет.

– Все нормально, товарищ подполковник. Я в своих знаниях уверен, еще не успел забыть.

– Хорошо. Иди.

Сходил в караул стажером. Спинай чувствовал ухмылки солдат и сержантов, в основном уже опытных, и похоже, хороших солдат. А уже через сутки заступил сам начальником караула, и это событие оставило отпечаток на всей моей жизни.

В темное время суток караул сначала проверил начальник штаба батальона, потом дежурный по полку, потом комбат, потом опять дежурный по полку, потом начальник штаба полка, на рассвете командир полка. Никаких нареканий не было, с дежурным по полку, начальником штаба артиллерийского дивизиона, даже немного посидели и выпили чаю. Командир полка похвалил и немного побеседовал со мной. Мой помощник начальника караула, старший сержант Коровин, даже мне высказал:

– Товарищ лейтенант, вас всегда так проверять будут? А то ведь мы тут повесимся.

Я, конечно, отшутился. Но у самого возникло какое-то неприятное чувство. Неужели не доверяют? Ведь дело-то несложное. Списал все на то, что в полку не привыкли, что начальниками караулов ходят молодые лейтенанты, или отвыкли, а потом ведь у них здесь забот не столько, как в нормальном развернутом полку.

Утром после развода нагрянул замполит полка. После встречи и доклада мы проследовали в помещение начальника караула. Замполит спросил:

– А кто у вас в карауле комсомольский актив?

Несмотря на то что что имелись все положенные записи, я запнулся. Слишком неожиданным мне показался вопрос, и я совершенно растерялся.

– Товарищ лейтенант, вы вопрос поняли?

– Так точно, товарищ подполковник.

– Не знаете. Не обращаете на это внимание. Я вас понял. А вы сами встали на комсомольский учет?

Меня пронзила молния. Я про это совсем забыл! Влип!

– Никак нет, товарищ подполковник. Виноват. Исправлюсь.

– А вы знакомы с секретарем комитета комсомола полка?

– Нет, не знаю такого.

– Твою мать! Товарищ лейтенант, вы откуда к нам сюда упали? Откуда вы такой дремучий?

Я промолчал. Совершенно растерялся.

– Ну, с секретарем комитета комсомола я разберусь. Как только сменитесь с караула, сдадите оружие и приведете с ужина личный состав сразу к нему в кабинет. Он вас будет ждать хоть до утра. И я его закрепляю за вами как минимум на полгода, теперь вы будете с ним встречаться каждый день. Понятно? – спросил замполит тихим и спокойным голосом, с почти незаметным раздражением.

Лучше бы он на меня наорал.

– И еще завтра с утра, после развода жду вас в своем кабинете с конспектами по марксистско-ленинской подготовке. У вас есть такие?

– Так точно. Все конспекты первоисточников есть, еще с училища, – ответил я с уверенностью в голосе.

– Тогда и поговорим.

Замполит развернулся и направился в комнату бодрствующей смены.

Перекинулся несколькими фразами с находившимися там солдатами и сержантами. Одобрительно отметил вопрос написания писем на родину. Потом начал смотреть тетради и вытряхивать лежавшие там уставы.

– А это что такое? – замполит откуда-то вытащил отпечатанные на машинке синим шрифтом листы.

– Я спрашиваю, чье это?

Тишина.

– Товарищ лейтенант, что это?

– Разрешите посмотреть?

– Посмотришь ты у меня. Завтра я тебе все покажу, – неожиданно перейдя на ты, тихо прошипел замполит. Было видно, что он находился в ярости, но сильно сдерживался.

– Товарищ подполковник, это мое. Товарищ лейтенант тут ни при чем, и вообще офицеры ни при чем. Никто ни при чем. Я только сам это читал, – произнес Коровин.

– А вы понимаете, что это?

– Так точно. Это материалы общества «Память».

– Грамотный, как я посмотрю. Из студентов?

– Так точно. Закончил первый курс Новосибирского государственного университета.

– Значит, так, Коровин, после ужина зайдешь ко мне. Я тебя буду ждать. А сейчас об этом не думать. Несите спокойно службу. Коровин, вы в состоянии?

– Так точно. Честное слово, товарищ подполковник, – произнес Коровин.

– А вы, Тимофеев?

– Так точно, я в состоянии, а все недостатки устраню.

Мы вернулись в помещение начальника караула, часовой у входа в караульное помещение доложил, что прибыли комбат и начальник штаба полка, я спросил у замполита разрешения и пошел их встречать.

Похоже, они почувствовали, что надо прийти. Сразу направились к замполиту полка, и все вместе, ни слова мне не говоря, отправились на выход.

Ну и ну! Что это было? Я пребывал в замешательстве.

– Коровин, зайти, – сказал я.

Коровин плотно закрыл за собой дверь.

– Что это за литература?

– Не переживайте, я все взял на себя.

– Что там написано? Антисоветчина?

– Да нет. В общем, там не об этом.

– Что там? Говори ты прямо. Ты думаешь, я никогда не слушал всякие там «вражеские голоса»?

– Да говорю же, там не про это. Там тексты общества «Память».

– Что это?

– Это такая литература для русских и за русских. О том, что во все эти всякие времена мы, русские, пострадали больше всех, но есть такие народы, которые, наоборот, поимели больше всех выгоду.

– Что это за народы такие?

– Ну евреи, например, и другие тоже.

– А кто другие?

– Ну, при Сталине грузинам не по заслугам хорошо жилось, например. И после Сталина тоже.

– Понятно. Эта «Память» запрещена?

– В том-то и дело, что не запрещена.

– Точно?

– Да фиг его знает.

– А где взял?

– Приезжали подружки с университета, дали почитать.

– У тебя еще есть?

– Почитать хотите?

– Я бы почитал, интересно. Но как придем из караула, надо все уничтожить.

– Больше нет ничего. Честно. А если хотите почитать, я вам достану.

– Верю тебе, но если найдут еще что-то, веры к тебе не будет никогда. Потом найди мне почитать эту литературу.

Где-то через час пришел комбат. Ни слова плохого не сказал. Тоже расспросил Коровина, что в этих текстах и не припрятал ли он еще что-то. Спокойно ушел.

Остаток караула прошел спокойно.

После всех положенных дел я пришел в кабинет к секретарю комитета комсомола полка. Он меня ждал. Познакомились, решили все бумажные и денежные вопросы. Он пожаловался, что ему влетело за меня. Напоил меня чаем. Договорились, что он будет ко мне заходить, где бы я ни был, а я при случае к нему, сказал, что, если будут особо борзые бойцы, говорить ему, сможет помочь, есть у него кое-какие свои методы. Нормально, я от помощи не отказываюсь.

У выхода из штаба полка меня нагнал Коровин:

– Товарищ лейтенант, я от замполита полка.

– Ну что там?

– Замполит подтвердил, что это не запрещенная литература. Я так понял, он сам не знал, удивился, что не запрещена. Видимо, куда-то звонил и уточнял. Но все равно он запретил это своей властью, сказал, что у нас многонациональный воинский коллектив и распространять такое говно нельзя.

– А ты сам-то что думаешь?

– Если бы я не попал в армию, я бы был с ним согласен. А теперь нет. Ну вы, думаю, меня хорошо понимаете. В армии читать это не буду. Ну а на гражданке – там уже мое дело.

На следующее утро после развода я доложил Виктору и пошел к замполиту.

Замполит встретил меня словами:

– Где конспекты первоисточников?

Я с удовольствием протянул ему раскрашенные и расписанные цветными ручками конспекты в полной уверенности что они отработаны, как подобает. Замполит молча их полистал, задал несколько вопросов. Ответы я знал и четко ответил (спасибо моему отцу, что надоумил отнестись к этому вопросу серьезно).

– Ну расскажите мне, товарищ лейтенант, как вы личный состав воспитываете со своим командиром роты.

– Как все воспитывают, так и мы воспитываем.

– А как все это делают?

– Приказываем, просим и уговариваем. Беседуем.

– Наглеешь?

– Никак нет!

– А как ты уговариваешь?

– Ну так, успокоить, сказать что-нибудь хорошее.

– Издеваешься? – уже с угрозой в голосе спросил замполит.

Черт! Никак не получается у меня с ним наладить общий язык, все как-то никак.

– Товарищ подполковник, извините. Я не хочу, чтобы вы так думали. Вы меня как-то неправильно понимаете.

– А зачем вы с твоим командиром роты солдат бьете?

– Не скрою, у меня возникает иногда такое желание, но командир роты мне запрещает и сам никогда так не поступает.

– А почему тебе так хочется?

– Ну вот бывает, не слушаются, не хотят работать. Начинают призывы считать.

– И ты им сразу в торец, да?

– Нет, я их уговариваю, прошу и провожу индивидуальную беседу.

– Помогает?

– Не всегда.

– И что ты делаешь, когда не помогает? В торец?

– Ну что сразу в торец? Сам беру лопату и показываю личный пример.

– Понял. А они не смеются над тобой нисколько, от стыда сгорают, хватаются за лопаты и не дают тебе показать личный пример. Так?

– Не так.

– А как?

У меня нарастало желание сказать ему все, что думаю, но я уговаривал себя держаться.

– Я не могу сесть и поплакать. Потому что я офицер, я командир и я должен добиться выполнения моего приказа всеми доступными способами.

– Какие же способы тебе доступны?

– Все, что предусмотрены дисциплинарным уставом и методами воспитательной работы.

– А там написано, что можно бить руками и ногами?

– Нет, конечно.

– У меня в столе несколько объяснительных, в каждой из них конкретно фигурируешь ты. В каждой из них, если дать ход, конец твоей карьере. Будешь вечный командир взвода и сопьешься. Потом будешь всех обвинять во всем. Виноваты будут все, но только не ты. И знаешь, что самое плохое? Самое плохое то, что никто тебя из армии до сорока лет не уволит, заставят служить. Ты у себя в общаге в пьяном угаре будешь обоссываться, но тебя не уволят, ты и на службу ходить не будешь, и все равно не уволят. Так устроена Советская армия, и мы с тобой ничего в ней не изменим. Ты сейчас сидишь и думаешь: вот хорошо замполиту рассуждать, а мне же надо задачу выполнять, и меня подчиненные не слушаются. Как мне быть? Я знаю, ты так думаешь.

И уже повышая голос, продолжил:

– А ты знаешь, что у меня в Афганистане, где я был замполитом мотострелкового батальона, из более чем пятисот человек было не более тридцати славян и прибалтов всего-то, не считая офицеров и прапорщиков? А остальные в основном из Средней Азии, дагестанцы, чеченцы, азербайджанцы, грузины. Понимаешь? И там кулаком порядок не наведешь, можно и сдачу получить запросто или пулю, все вооружены. И как-то ими командовали такие же, как ты, офицеры. Боевые задачи выполнялись. Как это удавалось?

– Да, у меня вопрос: как? Научите, товарищ подполковник, пожалуйста! Я честно вас прошу, научите!

– Ну хорошо, не хватает тебе мозга. Не ожидал. Я думал, ты способнее. Даю тебе шанс. Подумай прямо сейчас. Как вы должны были поступить там, на полигоне, с этими туркменами?

– Вы и это знаете?

– Не о том думаешь! – вскрикнул замполит.

Я взял паузу.

– Не знаю.

– Можно было перед выездом притянуть за ноздри этого Курбана и поинтересоваться, все ли он сделал.

– Согласен, товарищ подполковник, все просто. Не додумался.

– Правильно вы взяли в оборот Курбана, очень грамотная работа, а используете его очень плохо. И опять же с Курбаном вы сработали очень жестко, а если бы он не сломался? Что тогда делать? Вас бы там потом все начали на хер посылать. Понимаешь? А ведь можно и по-другому. Можно подобрать к человеку ключик, и он без всяких кулаков начнет на тебя работать. Вот именно это и называют индивидуальной работой с личным составом, а беседа индивидуальная – это метод. Понимаешь?

– Кажется, начало доходить.

– Думай, лейтенант, думай. Ты командир, а не мент в ментовке, который у блатных показания выбивает. Вот попадется тебе в роту как-нибудь человек десять чеченцев, что делать будешь? Тогда думать будет поздно. Если ты хороший командир и сможешь их объединить для достижения правильных целей и правильными методами, у тебя рота лучшей будет. А если с ними драться начнешь, то все, пиши пропало. Каждого ты должен знать, каждого. Для того чтобы надавить, когда надо. Вот в чем смысл индивидуально-воспитательной работы. А ты думаешь, они мне все рассказали и написали, потому что я их бил? Или потому что телефоном их пытал? Или ты думаешь, они все сексоты? Нет. Они мне сами все рассказали. И поверь мне, они не хотели ничего рассказывать.

– Я понимаю, что поступаю неправильно. Но то, что вы предлагаете, это в долгую. А мне быстро надо. Какие есть реальные методы воздействия на личный состав?

– Тот, что с Курбаном, хороший метод, но не основной, совсем должен быть крайним. А тот, что на полигоне, вообще надо исключить. Понимаешь, я тебе честно скажу, кулаком можно кое-где и кое с кем навести порядок. Это прежде всего в небольших подразделениях, особенно если много офицеров и прапорщиков, и они физически крепче подчиненных. Но в развернутых пехотных ротах и батальонах это сделать невозможно, конечно, изредка, как вспомогательный способ, и там такое может присутствовать, но не советую. Вот почему в пехоте не будет такого порядка, как в других подразделениях. Больше головой думай. Ты свой личный состав не перебить должен, а передумать. Именно передумать! Так все устроить и так все ниточками связать, чтобы все двигалось и перемещалось без рукоприкладства. Вот так надо свою волю навязывать, чтобы даже они и не догадывались, что все, что происходит с ними, это только по твоей воле. Запомни это. Комбат у тебя золотой, клад просто. Там опыта! Ты подойди, спроси его, когда сам не додумаешься, не съест. Отдерет, но не съест. И смотри, чем дышит личный состав. За такую литературу еще год назад с тебя бы скальп сняли. Понял меня?

– Так точно. Спасибо большое, товарищ подполковник.

– Иди. С секретарем комитета комсомола будь дружнее, он парень хороший и опытный, в Германии три года был замполитом роты материального обеспечения, та еще клоака, так что он уже кое-что соображает. Я его не надзирателем к тебе поставил, а чтобы помог тебе, пока ты не сгорел. Если бы информация, которой располагаю я, каким-то чудом дошла до начпо, тебе бы не поздоровилось. Учти это.

Я вышел из штаба полка на ватных ногах. Спасибо замполиту. Никогда не думал о них ничего хорошего, и мне преподали отличный урок. Навстречу мне попался Виктор.

– Юра, иди в парк, там зампотех тебе задачу поставит.

– А ты куда?

– Замполит полка чего-то вызывает, скоро приду, – озабоченно сказал мне Виктор.

Я пришел в парк. В курилке рядом с КТП стоял наш зампотех батальона, майор в возрасте за сорок лет, курил и отчитывал Мишу Каверина, который тоже нервно курил.

– Ну вот ты здоровый мужик и такой долбо... б! Как ты мог так поступить? От тебя, Миша, я такого не ожидал.

– Но они мне сказали, что через час мне его вернут.

– А зачем он им нужен, ты подумал?

– Какая мне разница? Попросили, вот я и дал.

– Думай теперь, как будете рассчитываться со своим командиром роты. Он узнает – мало тебе не покажется. Тимофеев, иди сюда!

– Но Тимофеев здесь при чем? – спросил Миша.

– Тимофеев, вот ты мне скажи, ты у себя во взводе укrywочный тент принимал?

– Принимал.

– Весь в наличии?

– На двух машинах есть, а на одной нет. Все в актах указано.

– А сейчас все в наличии?

– Были все на месте.

– А ты проверь.

Я бегом побежал к своим машинам, проверить. Все было на месте. После чего вернулся в курилку и застал непрекращавшийся разговор зампотеха с Мишей.

– Товарищ майор, вы мне лучше скажите, что делать! – с надрывом в голосе почти кричал Миша.

– А ты на меня голос не повышай, надо было на тех прапоров орать.

– Я же вам в сотый раз объясняю, что даже не мог предположить, что эти прапоры такими скотами окажутся.

– Миша, ты уже полтора года служишь и не смог понять, что все прапоры – ворюги, мошенники и жулики?

– Да говорю же вам, что с виду были нормальные прапорщики.

В это время из проходной КТП вышел комбат и сразу свернул к нам в курилку.

– Товарищи офицеры! – подал команду зампотех, немного припрятав в ладони сигарету, но не затушил.

– Товарищи офицеры! – ответил комбат.

Зампотех сразу глубоко затянулся сигаретой.

– Что случилось, Александр Николаевич? – спросил комбат.

– Да вот, наберут в армию дол... в, а нам мучайся.

– Так что случилось?

– В пятой роте тент украли.

– Как, когда?

– Полчаса назад, середь бела дня.

– Не понял, – с удивлением произнес комбат.

– А что тут? Все просто. Подъехала машина к нашим боксам, ЗиЛ-131, подходят к нему два прапорщика и говорят, что я сказал им выдать один брезент, через час-полтора привезут обратно.

– Ну?

– Каверин поверил им и даже помог загрузить. Прапоры уехали. Все.

– Ну и что? – спросил комбат.

– А то, что я такую команду не давал и прапоров этих не видел.

– А мне откуда было это знать? – с упреком произнес Миша.

– Тебя что, на твоей дремучей военной кафедре не учили, как военное имущество должно учитываться и выдаваться? – продолжал зампотех.

– Товарищ майор, что теперь делать? – взмолился Миша.

– Жопу свою готовь, сейчас придет твой командир роты, обрадуешь его, и как раз твоя жопа понадобится. И деньги готовь. С тебя, дурака, в десятикратном размере взыщут. Будете со своим командиром роты вместе рассчитывать. Это надо же додуматься, еще и сам погрузил!

– А может, привезут обратно, – с надеждой произнес Миша.

– Ага, жди. Если уж прапорам с рембата что-то в руки попало, еще не бывало, чтобы они вернули это за просто так. Уже загнали тент и взяли литров двадцать хорошей самогонки, – мечтательно произнес зампотех.

– Александр Николаевич, а откуда вы знаете, что прапоры из рембата? – спросил комбат.

– Каверин их не знает, значит, не с нашего полка. А потом я у дежурного по парку спросил, он ответил, что сегодня приезжала машина рембата с двумя прапорами в нашу ремроту.

– Товарищ майор, давайте съездим в рембат, можете мне найти этих прапоров, я заберу тент обратно.

– Ага, вернет он. Жди. Они тебе в глаза скажут, что первый раз видят. Они же сразу смекнули, что ты «пиджак», и решили тебя проучить, с кадровым бы так не поступили. Вон, попробуй у Тимофеева что-то забрать.

– Еще полгода этого дурдома я не выдержу! – в сердцах воскликнул Миша.

– Товарищ подполковник, а что если к замполиту полка сходить? – осторожно поинтересовался я.

Улыбавшееся лицо комбата стало серьезным.

– Можно и к замполиту. Но, во-первых, сначала подождем еще полчаса. Во-вторых, сами справимся. Да, Александр Николаевич, поможем?

– Можно, конечно, попробовать. Каверин, с тебя пузырь!

– Хоть сегодня, главное, помогите вернуть.

В это время из проходной КТП вышел Виктор.

Комбат встал и пошел не спеша в сторону наших хранилищ, я заметил, что он улыбается и пытается это скрыть.

Виктору рассказали все, что произошло.

– Сами вы виноваты, товарищ старший лейтенант, не обучили своих взводных беречь имущество роты, – заявил Виктору зампотех.

– Александр Николаевич, можете? – раздраженно спросил Виктор.

– Тебе, Витя, помогу. Сделаем. Совсем прапоры обнаглели. Но с Каверина пузырь.

– Будет, сегодня будет, – ответил Миша.

– Чей тент? – поинтересовался Виктор.

– Со взвода Кашина, – ответил Миша.

Все засмеялись.

В это время ворота парка распахнулись, и в парк въехал ЗиЛ-131.

– Это они! – завопил Миша и бросился к машине.

Из кабины высунулся прапорщик и спросил:

– Куда сгрузить?

Потом долго смеялись, а между зампотехом и Мишей возник спор, должен ли в этом случае Миша выставить зампотеху бутылку водки. Виктор этот спор рассудил в пользу зампотеха.

На обед в столовую мы пошли втроем, редкий случай: Виктор, я, Миша. А по дороге случайно встретили Сашу Кашина. Было видно, что он хотел свернуть, увидев нас, но увидел, что мы его заметили, и пошел нам навстречу.

В столовой удалось сесть за один столик. Виктор пригрозил Кашину, что если в течение недели он не закончит работать на замполита, то по прибытии его ждут кары небесные. Я по глазам Саши видел, что он пойдет на все что угодно, лишь бы не возвращаться в роту и не подходить к солдатам, мне стало его немного жалко.

После обеда мне Виктор сказал:

– Есть желание вечером по сто грамм?

– С тобой – есть.

– Пошли после службы ко мне, поговорить надо.

Я догадался. После службы зашли сначала ко мне. Я взял колбасу, кабачковую икру, пачку цейлонского чая и бутылку водки (спасибо Анне). Потом пошли в общежитие, где жил Виктор.

Рассказали друг другу о разговоре у замполита. С Виктором замполит поговорил гораздо круче.

На следующий день я заступил в караул, а потом, через день, опять, и так два-три раза в неделю. В этот период в караул ходил только второй батальон и такой же кадрированный третий. Первый батальон обеспечивал непосредственно боевую подготовку своей же первой роты, танкисты, артиллеристы и зенитчики в этот период также усиленно изображали боевую подготовку и подготовку к проверке. Между караулами меня не очень загружали. Но и расслабляться мне никто не давал. С Анной мы встречались исправно, иногда бывали в компаниях, а иногда гуляли просто так.

Однажды я спросил комбата, когда и как все-таки можно будет представиться офицерскому коллективу. Комбат ответил:

– Никогда.

– Я не понял, товарищ подполковник.

– Я, возможно, один такой комбат во всей армии. Постараюсь тебе объяснить. Может, пригодится. Сколько раз я проставлялся по случаю и без него, а сколько присутствовал на таких мероприятиях? Не сосчитать! Пьянка. Кто от нее получает удовольствие? Точно не я. Кому это нужно? Точно не мне. Так что эту традицию в батальоне отменяю. Другое дело, когда на ужин собираются офицеры с женами после торжественного собрания. Тут я поддерживаю. Но казарменного пьянства при мне не будет. И тебе советую не соблюдать этих традиций. Исключение: боевые награды и звания. Все. А если уж и решили господа офицеры все-таки выпить, то милости просим в ресторан. Потянешь? Так что сходите, если хотите, в ресторан с командиром роты или с кем там решите, не запрещаю, но без меня.

Я задумался над его словами и внутренне был согласен.

Однажды, стоя на улице возле входа в караульное помещение, я заметил, как первая рота в полном составе, в полной экипировке, со штатным вооружением идет на погрузку в парк, ей предстояли боевые стрельбы взводов. У меня подкатился комок к горлу. Вот бы и мне служить в этой роте, пусть и с блатным командиром. Они делом заняты, боевой подготовкой. А я тут тащу караулы. Деградация. Ни одного занятия не провел, ни одного конспекта не написал. Цена самоуверенности перед выпуском из училища возрастает. Надо что-то делать, сгнию я в этих караулах. Если вдруг освободится должность командира взвода в первой роте, надо будет сделать все, чтобы туда попасть. При случае надо найти возможность познакомиться и поговорить с этим командиром роты – сыном генеральским.

В самом конце ноября после сдачи очередного караула меня с комбатом неожиданно вызвали к командиру полка. Что случилось? Что там и кто наговорил? Вроде бы ничего плохого за мной не числилось, и даже наоборот, иногда хвалили.

Подошел к комбату.

– Что ты там натворил?

– Ничего не было. Все нормально.

– Точно?

– Точно.

– Ну смотри.

Зашли в кабинет к командиру полка. Доложили. Командир полка предложил комбату присесть.

– Товарищ лейтенант, послезавтра убываете к новому месту службы. Это правительственное задание. В Закавказский военный округ. Там, в Азербайджане, происходят кровавые события. В Степанакерте разворачивают до штатов военного времени мотострелковый полк. Доукомплектование происходит за счет всех Вооруженных сил, по разнарядке от нашего пока – один командир мотострелкового взвода, неженатый. Выбора нет, это вы, товарищ лейтенант.

В кабинете повисла полная тишина.

– Почему молчите?

– Есть убыть к новому месту службы.

– У вас есть причины, по которым вы не можете убыть?

– Никак нет. А какие могут быть причины? У меня таких нет.

– Еще бы! Какие могут быть причины у лейтенанта? Только вперед.

– Так точно. Должность надо сдавать?

– Что там сдавать? Комбат будет за вас сдавать должность. Девушка здесь появилась? – уже мягче спросил командир полка.

– Так точно.

– Поезжай к ней. Решай там все. С собой не вздумай тащить. Там заваруха будет серьезная. Я сейчас в штаб дивизии сообщаю твою фамилию. О сдаче должности не думай, не твоя забота. Поедешь в повседневной форме, полевую взять с собой, парадную и прочие вещи или девушке оставь, или домой пошли. Если там наведут порядок, потом тебе вышлют. Никаких отгулов и пьянок-гулянок. Завтра к 11:00 с комбатом ко мне, пойду тебя представлять комдиву. Если вопросов нет, идите. Комбат, останься.

Я вышел из штаба и не знал, радоваться или расстраиваться. Закавказье. Что это? Никогда не интересовался. Вроде грузины, азербайджанцы и армяне. Было бы лучше, если бы беспорядки начались в Прибалтике, тогда бы я туда поехал с удовольствием. Ждал комбата.

– Юра, иди домой, – слышался голос комбата за моей спиной.

– Я вас ждал.

– Вот такая судьба военная. Служба. Может, это и к лучшему. Нечего тебе здесь делать. Видимо, и повоевать тебе придется. Ладно, завтра еще поговорим. Приходи к 10 часам, раньше не надо. По сдаче должности мы все с твоим командиром роты решим. Завтра уже бумаги напишешь, пусть оформляют.

На следующий день командир полка представил меня командиру дивизии.

– Все документы передать начальнику отделения кадров дивизии, он лично будет завтра их им отдавать и посадит на поезд.

Собрал все вещи. Все лишнее решил отправить родителям багажом. В полку выделили машину и дали ящик. Спасибо. Все по-человечески.

Вечером пришел к Анне. Она собрала мне целую сумку продуктов, даже бутылку коньяка положила. Как обычно, деньги брать не хотела, с большим трудом мне удалось ее уговорить. Добрая душа. Опять у меня при прощании подкатывается ком к горлу. Не могу. Утром простились. Писать не договаривались. На душе тяжело.

В полку уже делать мне нечего. К шести вечера я с командиром полка должен быть у комдива. До пяти вечера я свободен. Что делать? Решил поездить и походить по городу, совсем не успел его изучить. Сначала проехал на трамвае, потом долго ходил пешком. Хороший русский город, работага настоящий. Зашел поел пельменей, большая редкость по нынешним временам. Оказывается, в рабочее время может повезти.

Пришел в полк раньше, надо с мужиками попрощаться. Виктор искренне сожалел и говорил, что завидует мне. Миша и Саша, напротив, искренне сочувствовали. Потом пошли с комбатом к командиру полка.

– Юра, смотри там, на рожон не лезь никогда. Уясни обстановку. Если правильно ее уяснишь, решение само придет. Вот увидишь. Ты резковат бываешь, это хорошо, но в боевой обстановке, если что-то не понял и попер, это смерть или инвалидность, – на прощание сказал мне комбат. Обнял.

С командиром полка пошли к комдиву. Там уже стоял командир отдельного ракетного дивизиона, который отправлял лейтенанта, секретаря комитета комсомола дивизиона.

Докладывал комдиву начальник отделения кадров дивизии. Выдали документы.

– Проверьте, – сказал комдив.

– Все в порядке, товарищ генерал-майор, – доложил я.

То же самое повторил мой напарник.

– Как они едут? – спросил комдив.

– У них билеты до Москвы, в Барнауле их прицепные вагоны прицепят к московскому поезду. В Москве возьмут билет до Тбилиси, штаб округа там найдут.

– Ну, Тимофеева знаю, какое училище закончил? – обратился ко мне комдив.

– Омское ВОКУ.

– Какое мнение об этом офицере? – спросил комдив у командира полка.

– Отличный офицер. Отпускать жалко.

– А вас совсем не знаю. Какое училище закончили? – обратился комдив к моему попутчику.

– Лейтенант Копылов, закончил Свердловское ВВПТАУ.

– Хорошее училище. Из военно-политических училищ Свердловское и Новосибирское самые хорошие. Как он служил? – обратился комдив к командиру дивизиона.

– Хороший офицер. Очень ответственный.

– Выпала вам, товарищи офицеры, задача выполнить важное правительственное задание. От нашего тылового округа на доукомплектование мотострелкового полка в Степанакерте приказали отправить двух неженатых офицеров, конечно кадровых, обоих от нашей дивизии. Одного командира мотострелкового взвода и одного то ли замполитом роты, то ли батареи. Выбор у нас в дивизии из этой категории невелик. Поэтому эта честь выпала именно вам. Считаю, что вам повезло побывать в деле, послужить не в полках сокращенного штата, а в развернутом по штату военного времени боевом полку. Получите там хорошую закалку на всю оставшуюся службу. Обстановка в Нагорном Карабахе очень сложная. Скажу по-солдатски прямо, там полным ходом разыгралась настоящая межнациональная гражданская война. Не знаю, чем там занимаются КГБ и МВД со своими внутренними войсками, но раз на уровне Правительства СССР принято решение задействовать там Советскую армию, значит, там никакие органы советской власти уже не справляются. Чувствуется, там все может далеко зайти. Вот и понадобились вы, товарищи офицеры, нашему государству, которое вас учило, кормило, содержало. Пришла пора применить все ваши знания на пользу государству. Пора там прекратить это безобразие. Не жалейте там, ребята, боеприпасов, а солдат берегите и жизнь свою берегите. Желаю вам, молодежь, военного счастья. Как настроение?

– Отличное, – первым ответил Копылов.

– Отлично, – повторил я.

– Хорошо. Копылов, а ну-ка покажи, что ты взял с собой в дорогу из продовольствия.

– Ничего не взял. У меня ничего и не было. В вагоне-ресторане буду питаться.

– Как это ничего? Непорядок. Ну хоть бутылочку взял с собой?

– Да я, в общем-то, и не пью, товарищ генерал-майор, – ответил Копылов. Слегка застенчившись.

– Это ты своему начальнику политотдела расскажешь и личному составу будущему, – произнес комдив, повернувшись в сторону начпо, и добавил:

– Едут два офицера двое с половиной суток – и без припасов. Непорядок. Дослужились! Да, вот такие времена настали, что даже бутылку водки купить негде. Что молчишь, Тимофеев?

– У меня есть немного, – ответил я.

– Да что там у тебя есть! Володя! – обратился комдив к старшему прапорщику, своему адъютанту. – А ну-ка принеси мне сюда две бутылки коньяка, палку копченой колбасы, банку маринованных огурцов, консервы лосося и еще чего-нибудь съестного. Быстро!

Было видно, что прапорщик хотел что-то возразить, но услышав грозный тон комдива, передумал и быстрым шагом направился в задание штаба дивизии.

– Ничего страшного, Копылов, можно в дороге без личного состава и выпить маленько. Главное, голову не терять. Мы с командиром дивизии тоже были вот такими же молодыми офицерами, как вы, и тоже позволяли себе кое-что, – включился в разговор начпо.

Комдив слегка ухмыльнулся и произнес:

– Поди девушек себе уже здесь завели?

– Никак нет, – опять поспешил с ответом Копылов.

– А ты, Тимофеев?

– Ну так, познакомился с одной. Несерьезно.

– А это лучше всего, когда несерьезно. Молодец, Тимофеев, что время зря не терял, – весело добавил комдив.

– Да, упустили вы время, ребята. Здесь, в Бийске, у вас была хорошая возможность познакомиться с хорошими девушками, в Закавказье у вас такой возможности не будет. Потом вспоминать будете, жалеть, – произнес начпо.

– Найдут. Познакомятся там с какой-нибудь армянкой или грузинкой, усатой, как товарищ Сталин, – рассмеялся комдив.

– На Кавказе там строго. К азербайджанке вообще не подойдешь, там вообще ислам, – ответил начпо.

– Да, когда девица в парандже, знакомиться тяжело, – продолжал смеяться комдив.

– Ну хватит вам, – обратился начпо к комдиву. – Там тоже советские люди живут.

– Живут, хлеб жуют, – добавил комдив с усмешкой. – Тоже скажешь! Нет, ребята, если уж когда-нибудь и надумаете жениться, то только на русской или белоруске, а еще лучше на хохлушке, они более дисциплинированные. Главное, на москвичках и ленинградках не жениться, они за вами никуда не поедут, разбалованные.

В это время из штаба дивизии выскочил адъютант с двумя пакетами и отдал их нам с Копыловым.

– Ну все, ребята. Это вам от командования дивизии и от политотдела подарок такой, в дорожку. Все! Успехов!

Комдив и начпо пожали нам руки.

– Как посадишь в поезд, жду доклада мне лично и оперативному, – обратился комдив к кадровику.

Комдив сел в «Волгу» и поехал, вслед за ним уехал начпо на «уазике».

Тем временем мы пожали руки своим командирам, попрощались, загрузили вещи в «уазик», и кадровик повез нас на вокзал.

Пришлось недолго подождать посадки. Кадровик нас посадил в вагон, пожал руки, пожелал успехов и ушел.

Проводница нас обрадовала, сообщив, что в это время года поезд ездит полупустой и может так получиться, что мы до Москвы будем одни в купе.

– Отлично! Давай наконец-то знакомиться как следует, – сказал мне Копылов.

После всех формальностей проводница принесла белье, мы постелили, потом она принесла нам чай, к этому времени мы уже переоделись.

Полезли смотреть, что нам дал в пакетах комдив. Подарок был солидный. У каждого была бутылка коньяка, одна на двоих палка колбасы, по три банки лосося, небольшой кусок копченой красной рыбы, по одной банке маринованных болгарских помидоров и огурцов. Нам захотелось кушать.

– А хлеба-то нет, – заметил я.

– Точно. Сейчас схожу к проводнице, спрошу.

Через несколько минут Игорь вернулся с пахучей, еще теплой буханкой серого хлеба.

– Проводница специально покупает, потом подороже продает. Спасибо ей, – с порога рассказал Игорь.

Все (включая мои личные) продукты распланировали на всю дорогу до Тбилиси. Впрочем, решили, что консервы должны быть НЗ.

– Если на станциях бабки будут продавать вареную картошку и еще что-нибудь, у них будем покупать. В ресторане паршиво кормят, – произнес я.

– Согласен. Ну, с чего начнем?

– Давай рыбу копченую сначала съедим, с хлебом, – предложил я.

– Давай. Коньяк, лимон, рыба, хлеб. Что еще нужно!

– Спасибо комдиву. Настоящий офицер оказался. А как его в дивизии все боятся! Я думал, он чмо и зверь.

– Я тоже считал, что он дерьмо. Как же я ошибался! Потому что дерет всех. Все боятся. А то, что он настоящий офицер, за этой всей повседневщиной и не видно.

Мы распечатали коньяк, выпили и с аппетитом начали кушать. В дверь постучали, открылась, на пороге стояла проводница:

– Ой, мальчики, у вас такой вкусный запах рыбы, что устоять невозможно!

– Садитесь, угощайтесь, – сказал Игорь.

– Нет, мне нельзя. А вот если дадите мне маленький кусочек с собой, я не откажусь.

Мы отрезали нормальный кусок, завернули его в кусок этой же бумаги и отдали проводнице.

– Спасибо, ребята. Ну, я потом, может быть, к вам все же загляну, если не возражаете.

– Конечно. Будем ждать, – заспешил опять с ответом Игорь.

Дверь закрылась.

– Ты что, на нее глаз положил? – спросил я.

– Точно. Что-то сразу, когда в вагон входили, подумал. Ты не возражаешь? – спросил меня Игорь.

– Нормальный вариант. Не возражаю. Я как-то не в настроении.

– Что так?

– Да у меня была в Бийске девушка, уже не молодая, с ребенком, разведенка. Очень хороший человек. И мне немного грустно.

– Сколько ей лет?

– Двадцать восемь.

– Получается, на семь лет старше тебя.

– У тебя проводница еще лучше, думаю, ей лет тридцать пять.

– Нет, тридцать пять – это уже слишком. Но на безрыбье...

Мы засмеялись, чокнулись и принялись закусывать.

– Юра, а что твоя женщина тебе на прощание сказала?

– Все правильно сказала. Сказала, что я очень хороший, но для нее слишком молод, что у нас нет и не могло быть будущего, что даже так лучше, что я уезжаю.

– Вот дает! Что, все так прямо откровенно?

– Да, мы сразу все понимали, прямо говорили. Я женщин не обманываю. Мне их жалко. Вот и Анну жалко. Она ко мне хорошо относилась, вон в дорогу сколько собрала. Добрая душа.

– А почему она со своим бывшим мужем развелась?

– Пить начал, каждый день, сильно. Говорит: «Я с алкашом жить не буду». А был нормальный парень. Что случилось с ним? Я не знаю.

– А я вот пытался все познакомиться. Все как-то не получалось. Потом познакомился с одной очень-очень красивой, ухаживал много, но ничего не вышло. Я так понял, только через загс можно. Но в загс я не хочу.

Мы рассмеялись.

Выяснилось, что мы оба с удовольствием уехали из нашей дивизии. Ни Игоря, ни меня служба в ней не устраивала. Разговор тек медленно, обстоятельно. Игорь успел все, что можно, узнать про Карабах, про республики Закавказья. Было уже поздно, мы выпили бутылку коньяка, доели рыбу, убрались, проветрили и взяли чай. Было уже совсем поздно.

Зашла проводница. Выглядела она очень свежей и ухоженной в нормальной одежде, без формы.

– Все, я освободилась, напарница сменила.

Игорь полез в пакет и достал вторую бутылку коньяка. У Игоря заблестели глаза. Я посидел с ними минут двадцать и сказал с нажимом:

– Я пойду в коридоре подышу минут двадцать пять – тридцать.

– Юра, да посиди еще. Успеется, – ответила проводница.

– Лучше потом еще рюмочку, после того как приду.

Я вышел из купе и встал в коридоре у окна. Через несколько минут дверь раскрылась, из нее выглянул растрепанный Игорь, закрыл дверь и шепотом произнес:

– Юра, у тебя есть презервативы?

– А что, у нее нет, что ли?

– Говорит, что нет, а без них не соглашается. Я тоже с собой не ношу. Что делать?!

– Сейчас дам тебе. Четырех хватит?

– Хватит, конечно.

Я заглянул в купе, полез в рюкзак. Старался на проводницу не смотреть. Но все же пришлось. Красивая женщина. Повезло Игорю, хоть перед войной пусть у него все получится.

Я вышел, отдал Игорю изделия. Игорь удалился.

Прошло уже больше часа. Я вспоминал. Опять в голову лезут мысли о Лене. А может, это и есть любовь? Чужь собачья. Просто нам было хорошо. Просто. Теперь вот на войну еду. Еду воевать за Родину, может, придется и жизнь отдать. А полного и убедительного ответа так и нет: что такое для меня Родина? Бийск для меня Родина? Родина. А Карабах? Нет, конечно. А зачем я туда еду? По приказу, я офицер. Выходит, приказ – это Родина? Тоже Родина, это святое. Если бы началась война в Калининградской области, или Белоруссии, или в Литве, или Латвии, или Эстонии, или в Сибири, или на Урале? Тогда я бы с ножом в зубах штурмовал бы противника день и ночь. А если бы в Ленинграде или в Москве? То же самое, это Родина моя. А что же в Закавказье? Как-то не воспринимаю их своей Родиной. Тебе скажут: там живут советские люди. И будут правы, но не берет меня за душу. Не берет. Странно получается, за Бийск, Новосибирск, Ригу, Таллин, Калининград или Юрмалу я бы воевал просто по убеждению, а в Закавказье только по приказу. А за Чехословакию? Да, люблю я эту страну и этот народ и себя от них не отделяю (почему-то), а они бы меня своим все-таки не считали. Где-то у меня ошибка в мировоззрении. Где? Мучаюсь я этим вопросом уже не первый год, и ответа четкого у меня нет. Все-таки не воспринимаю я весь СССР как свою Родину. Что-то в этом СССР искусственное, не болит у меня душа за всю страну. Вот опять же пример. Ни один офицер моего теперь уже бывшего батальона не воспринимает солдат, призванных из Туркмении, как родных. Русских очень даже воспринимают. «Пиджаки» этих всех призывников из Средней Азии и Кавказа и вовсе ненавидят. Кадровые тоже, но более сдержаны, что меня удивило. Понятно, гражданские, они нигде с ними раньше в большинстве своем не сталкивались и только в армии

все увидели, здесь все очень обострено. Разный менталитет. Разное мировоззрение. Столкнулись. Европейское мировоззрение терпит крах перед их первобытно-общинными понятиями, родоплеменным мировоззрением. Сталкиваешься с этим, видишь, что перевоспитывать бесполезно, и остается только заставлять, а они сопротивляются. Появляется ненависть. Тупая советская пропаганда трубит, что Советская армия – это школа интернационализма. А на самом деле это школа межнациональной ненависти. Какая дружба народов? Разве у меня или у любого из офицеров нашего батальона может быть друг-туркмен? Смешно просто. Нет, это невозможно себе даже представить. Американец, я думаю, вполне может быть мне другом. Несмотря на пропаганду, не воспринимаю я американцев как врагов, не верю. А французы? Это вообще полная чушь. Какие из них враги. С германцами не знаю. Мой опыт в пионерском лагере мне подсказал, что с ними очень тяжело дружить, у нас с ними тоже разное мировоззрение, достаточно быть с ними в хороших соседских отношениях, не более того.

В это время дверь купе открылась настежь, и из нее вышли два довольных человека, которые отправились с полотенцами в туалет в разные концы вагона. Я продолжал стоять в коридоре, чтобы дать проветриться купе.

Первым пришел Игорь. Доволен.

– Надо бы еще выпить.

– В качестве исключения согласен.

В купе вошла проводница, продолжая вытирать шею.

– Ну и мне налейте, ребята, немного.

– Что ты так долго ходила? Случилось что-то? – спросил Игорь.

– А ты попробуй полностью помыться как следует в туалете.

– Как это полностью? – недоуменно спросил Игорь.

– А вот так. Проводники это делать умеют, – рассмеявшись, ответила она.

Мы тоже рассмеялись.

– Давайте, ребята, за хороший и качественный секс, у меня давно такого не было, – заявила новая подруга Игоря.

Мы выпили.

– Юра, посмотри на мою напарницу, если захочешь, то завтра ночью может получиться.

– Спасибо. Присмотрюсь и скажу свое мнение.

– Ну все, ребята, я пошла, и вы давайте закругляйтесь.

На следующее утро у меня болела голова. Из принципа терпел до вечера, вечером выпили коньяка, и сразу стало легче. У Игоря все пошло по вчерашнему плану, я же от женской компании отказался, напарница была совсем не в моем вкусе.

Всю дорогу мы интересно и обо всем разговаривали с Игорем. Он оказался начитанным и интересным собеседником, очень хорошо знал историю.

– Русские – это европейцы, которые дошли до Тихого океана, но не смогли всю эту территорию освоить. Не хватает ресурсов. Чехи твои никуда не пошли. Заняли свою территорию, небольшую, и осваивают ее, им их ресурсов хватает. А мы создали империю, и мышление у нас имперское, поэтому мы должны быть везде. Без нас не смей решать ни один вопрос в мире! Так думал Сталин, советский император, самый безграмотный, поэтому и столько ошибок наделал.

– Да, я знаю. Восточный такой деспот. Одним словом, ч... ка есть ч... ка.

– Сталин и Ленин дел натворили.

– Ленин?

– Конечно. Ты почитай журналы всякие, сейчас начали печатать много интересного. У меня и собой кое-что есть. Сейчас достану.

Игорь достал несколько толстых журналов и протянул мне.

– Ленин, конечно, не такой, как Сталин. Образованный, умный. Если бы он остался во главе советской России, пошло бы все по-другому, возможно по американскому образцу.

Понимаешь? Сталин создал на территории Российской империи много национальных автономий, таких недоделанных государств, республик. Вот теперь мы едем с тобой это расхлебывать. Сталин повел нашу страну по пути военного коммунистического империализма.

– Ни фиги себе ты замполит!

– Это же между нами. Думать-то я могу как хочу.

– Можешь, конечно. Я с тобой согласен. Меня еще раздражает, что в нашей стране все врут. Все думают одно, а говорят другое. Живем в такой лжи и уже воспринимаем, что это все правильно.

– В точку. Согласен.

Задумались. Я сначала смотрел в окно, потом начал читать толстые журналы, которые мне дал Игорь. В этих журналах печатали такое, что я никогда ни от кого не слышал и не знал. Чтение меня полностью поглотило. Особенно много было интересного про сталинский период. Однако меня удивило, что, разбирая Сталина, никто не обращал внимания, что он грузин, то есть человек южный и одновременно восточный, азиат. Я же в его поведении видел именно черты, присущие его неевропейскому менталитету и мировоззрению. Для меня это многое объясняло. Особенно когда я прочитал про его детство и юность. Чему удивляться? Человек вырос вне европейской культуры, на задворках Российской империи. Совсем другое дело – Владимир Ульянов. Вырос в нынешнем Ульяновске, учился в Казанском университете. Это Европа однозначно. Несмотря на то что на Волге живет много национальностей, все-таки мы, русские, сделали эти земли Европой не только по географии, но и по сути. А что мог сделать грузин, выросший на задворках империи? Построить империю со множеством всяких национальных автономий, каждому сделал свою клеточку. Разве мог он верить во власть народа, в народную мудрость? Нет, конечно. Он верил в единоначалие. На Кавказе вся власть в руках единоначальников – князьков и ханов. Только и спасает их от междоусобиц российский (европейский) генерал-губернатор или наместник Кавказа.

За чтением и разговорами с Игорем дорога до Москвы полетела еще быстрее.

В Москве наша с Игорем пересадка заняла всего несколько часов. Походить по Москве не получилось.

Скорый поезд Москва – Тбилиси. Сразу бросилось в глаза, что проводники в вагонах – мужчины в возрасте, грузины. Сразу почувствовался азиатский восточный колорит. Особенно поразило, что уборку туалетов делал не сам проводник, а откуда-то бравшийся бомж.

– Все, Юра, чай здесь сами наливаем и стаканы сами моем. Иначе что-то подхватим.

Проводник ходил по вагону и изображал из себя важного и солидного начальника. Даже тембр голоса был показательным. У меня сразу же возникло желание с ним разобраться. Сдержался. Грузин почувствовал мою неприязнь к нему, недовольство бомжом и тоже не пошел на обострение.

После Сухуми началось какое-то броуновское движение людей по вагону.

– Похоже, советская власть кончилась, – сказал кто-то в коридоре.

– Очевидно. Видишь, сажает без билетов. Сам деньги с них берет себе в карман, – ответил его собеседник.

Между тем на нас смотрят как на пустое место, но в купе к нам не подсаживают.

Вокзал Тбилиси встретил нас невиданной какофонией импортных клаксонов, сигналов автомобилей, музыкальных. Мне показалось, что я приехал в Тегеран, репортаж из которого я видел в передаче «Международная панорама». В европейской части СССР такое увидеть и услышать было невозможно.

Вокзал был настолько вонючим и грязным, что из него хотелось как можно быстрее бежать.

– Восточный базар я представлял себе примерно таким же.

– Куда мы попали, Игорь?

Глава 2

В штаб Закавказского военного округа мы прибыли утром. Переночевали в военной гостинице.

Сходили поужинать в ресторан, в подвальчик. Впечатление осталось неприятное. Нас везде обманули. Сдача с рубля нигде не предусматривалась. Вместо шашлыка нам подали обжаренные кости. Однако вино было нормальным.

Поужинали в гостинице оставшейся колбасой, консервами, местной лепешкой и запили купленным в магазине вином (здесь его продавалось в изобилии).

– Почему-то над Россией издеваются с этой водкой, вина нигде и в помине нет, а здесь хоть запейся, – злился Игорь.

Было видно, что увиденное им в начале декабря 1988 года в Тбилиси сильно не понравилось.

– И я не понимаю, почему в России, в Прибалтике люди живут по законам, а здесь какое-то полное беззаконие?

– Да, Юра, удручает, что это только начало. И это лучший город этого азиатского пространства от Каспийского до Черного моря.

– А что, думаешь, Баку или Ереван хуже?

– Думаю, хуже.

– Все равно это не Казахстан и не Средняя Азия, будем себя этим успокаивать.

В штабе округа мы разошлись. У Игоря был свой, какой-то особенный кадровый орган, подчинявшийся политуправлению округа.

Со мной вопрос решился быстро, даже молниеносно.

– Вот вам предписание. Сейчас отсюда возвращайтесь в гостиницу. В гостинице спросите, как добраться до автовокзала, там садитесь в автобус до Кировабада, там, не доезжая до Евлахского автовокзала, будете проезжать штаб дивизии, скажите водителю, чтобы вас предупредил и остановил. Сегодня же убыть в дивизию и завтра быть в полку, вас там ждут. Понятно?

– Так точно.

Вышел из штаба и стал ждать Игоря. Прождал недолго. Он получил точно такие же инструкции.

– Давай все-таки зайдем покушаем нормально. Мне один подполковник подсказал, где можно недорого и вкусно поесть. Он посоветовал забрать из гостиницы вещи, взять такси и доехать на такси до этого места. Там, если кушать по госцене, получится то же, что и с ужином, а вот если попросить домашней еды и пообещать хорошо отблагодарить, то накормят безупречно, но недешево. Отличный домашний обед без вина обойдется в пять рублей с каждого, плюс вино. Потом хозяину скажем, чтобы вызвал такси, и он вызовет своих родственников, которые привезут на станцию еще за три рубля. Как ты?

– Я согласен. Гуляем!

– Да, еще. Там есть автобусы до Кировабада на четыре часа и есть на шесть (крайний вариант, запасной), ехать часа четыре, вечером приедем в штаб дивизии. Нормально, по моему.

– Отлично.

Через час с небольшим мы сидели в ресторане. Как только мы пообещали щедро отблагодарить, сразу подошел директор ресторанчика, пожилой грузин.

– Надолго к нам, товарищи офицеры?

– Проездом в Кировабад, к вам зашли по рекомендации одного подполковника. Он обещал, что здесь нас накормят отличной грузинской едой, – ответил Игорь.

– Его зовут Анатолий? – спросил грузин.

– Я к нему только по званию, как зовут, не знаю.

– Это Анатолий, надо было сразу так сказать. Я вас так накормлю, долго хорошим словом меня вспоминать будете.

– Только давайте так, на все про все у нас пятнадцать рублей. Как только достигаем общей суммы в пятнадцать рублей, вы нас предупреждаете.

– Конечно, так и сделаем. Только я вас, дорогих гостей, сейчас за другой столик посажу.

Мы согласились, сели в соседний небольшой зал, у окна откуда открывался отличный вид на Куру, на старый Тбилиси.

Тогда Тбилиси произвел на меня впечатление неповторимого города и неприятного города. Старый город поразил своими старыми зданиями, но обветшалыми, с грязными улицами и дворами, с растяжками веревок между домами, где сушилось белье. «Какая дикость!» – подумал тогда я. Новые районы, которые мы проезжали, не понравились мне совершенно, особенно отсутствие зелени и повсеместный мусор. Совсем не Европа, совсем не Россия. Азия.

– Какое у тебя впечатление о Тбилиси? – спросил Игорь.

– Я еще больше люблю теперь свою Прибалтику и даже Омск и Бийск.

Игорь расхохотался.

– Занесло нас с тобой на юга, но это далеко не худший вариант, как мы с тобой понимаем.

– Если Тбилиси – это лучшее место в Закавказье, тогда мне сказать нечего.

Мы заказали по бутылочке красного сухого и белого сухого. Тем временем нам начали приносить закуски и прочую еду.

Обед нам удался, и мы, слегка пьяные, приехали на автовокзал, купили билеты, погрузились в междугородний «Икарус». Водитель предложил нам сесть в задней части автобуса, мы согласились. Позже нам стало понятно, что с его стороны это была большая любезность. Видимо, он был опытный в своем деле человек и сразу понял, что мы совершенно не знаем местные обычаи и порядки. Еще мы попросили его высадить нас у штаба дивизии в Кировабаде, он пообещал все исполнить в лучшем виде, а потом пояснил, что мы зря купили билеты в кассе, мы совершили очень большую ошибку, платить надо только водителю, напрямую. Но раз мы так уже сделали, то нам придется ему доплатить по рублю с человека. Мы с Игорем недоуменно переглянулись.

– Непонятно. За что? – спросил я.

– Так положено, дорогой. Извини, дорогой, конечно, но мало ли что может в дороге случиться. Лучше уважать наши законы.

– Предлагаю заплатить. Пока местных обычаев не знаем, лучше не нарываться, потом разберемся. Надо все сначала понять, – сказал Игорь.

– Ладно, согласен, – с неохотой ответил я.

Мы отдали водителю по рублю, а он принес нам небольшой пакетик мандаринов.

– Берите, ребята, угощаю. От души. Не обижайтесь, у нас такие здесь порядки. Здесь вам не Россия. Откуда вы?

– Из Сибири.

– Ого! Я работал как-то целый год там на стройке, на БАМе, у вас там совсем все по-другому. Здесь советской власти никогда не было и нет, – произнес водитель и весело рассмеялся.

Сразу бросилось в глаза, что женщины рассаживались только в передней части автобуса, а мужчины – в задней. Где-то посередине проходила грань, причем на один из рядов сидений между женщинами и мужчинами никто не садился.

Мы с Игорем были поражены увиденным.

Я глубоко погрузился в свои мысли. Вот это государство! Ничего не скажешь. Здесь в открытую заявляют, что у них нет советской власти, и гордятся этим. Полное пренебрежение к советским законам. Даже, в общем-то, демонстративное. Я давно начал понимать, что у нас

прогнившая система, но то, что прогнило до такой степени, меня поразило и не давало мне покоя.

После того как автобус тронулся, все мужчины одновременно закурили – прямо в автобусе!

Мы с Игорем переглянулись и долго ехали молча.

Что же я еще тут увижу? Это же дикие какие-то люди. Самая настоящая азиатчина. Вот почему призывники с Кавказа в штывы воспринимают нас, своих командиров. В большинстве своем, подавляющем, офицеры по национальности русские, украинцы, белорусы, татары есть. То есть кавказцев или из Средней Азии практически нет. Все офицеры европейских национальностей, конечно, чужды кавказцам и прочим азиатам, да и законы наши для них враждебны, а для нас – их. Поэтому эти призывники все воспринимают как унижение и враждебно. А выход какой? Тут или они живут по нашим законам, или мы по их законам. Нет уж, я законы Грузии или Азербайджана соблюдать не собираюсь. А может, еще неписанные законы Туркмении уважать? Ни за что! Я буду жить по законам России. Я не буду курить в автобусе. Но с другой стороны, я не смогу же сесть в женскую часть автобуса. Значит, я буду соблюдать местные обычаи. Придется что-то соблюдать, надо это признать. Мне мерзко от этой мысли. Получается, меня заставляют жить по обычаям, которые я презираю. Но в Чехословакии я же соблюдал местные обычаи и нравы! Там другое дело, я там местные порядки уважал и принимал, и там было другое государство, а здесь же СССР – единый и неделимый, говорят вроде бы.

С этими мыслями я доехал до Красного моста, который находился на административной границе Грузинской и Азербайджанской ССР. Перед въездом на мост автобус остановился, водитель вышел, поздоровался с каким-то полным милиционером в фуражке, наминавшей аэродром для стратегических бомбардировщиков. Милиционер с водителем пожали руки друг другу, поцеловались троекратно, иводитель передал деньги милиционеру. Открыто. Еще раз пожали руки, водитель сел в автобус, мы переехали мост, там процедура повторилась в точности, до мельчайших деталей. Игорь тоже все увидел. Само их приветствие вызвало у меня полное неприятие и отторжение, но уплата денег меня сразила наповал.

– Юра, куда мы попали? – тихо произнес Игорь.

– В самую настоящую клоаку.

– Что делать будем?

– Не знаю, как ты, я немного осмотрюсь и буду узнавать, как отсюда уехать побыстрее. Сделаю все, чтобы попасть служить или в группы войск в Европе, или в Прибалтийский военный округ. Зря я не слушал родителей. Зря.

– Я тоже этим буду заниматься. К твоему списку готов добавить любой военный округ, расположенный на территории России, Украины и Белоруссии. А еще я думаю над тем, в каком государстве мы живем.

– И я над этим же думаю. Полагаю, что лучше не думать. Просто наблюдать.

– Почему?

– Потому что мне это государство может не понравиться.

– Боишься своих мыслей?

– Давно уже их боюсь. Просто, если я приду к определенным выводам, добром для меня это не закончится.

Игорь рассмеялся, и я понял, что в своих мыслях он где-то рядом со мной.

Автобус остановился напротив КПП, мы вышли и перешли дорогу. Осмотрелись.

– Что это? – воскликнул Игорь и показал мне взмахом головы на стоящие с противоположной стороны дороги пятиэтажки.

Я обернулся и в темноте все-таки различил, что многие окна в доме выгоревшие, подряд по три-четыре окна вразброс по всему дому и по всем этажам.

– Непонятно.

В это время из КПП вышел прапорщик-кавказец с солдатом.

– Вы прибыли для укомплектования степанакертского полка? – спросил прапорщик.

– Да, – коротко ответил я.

– Пойдемте, берите вещи, и дневальный вас проводит в штаб дивизии.

– А что это? – спросил я у солдата-танкиста, сопровождавшего нас, показывая на выжженные окна.

– Это армянские погромы. Азербайджанцы тут выжигали армянские квартиры, да и много что еще делали.

– А милиция что? – спросил Игорь.

– Какая тут милиция. Здесь советской власти совсем нет. Наши, прикомандированные из России милиционеры тут пытались что-то сделать, но потом сами у нас в части прятались, пока наш комдив не вмешался и не стал останавливать погромы и спасать армян.

– А сам откуда? – спросил солдата Игорь.

– Я из Архангельской области.

– Понятно. Как тут сейчас обстановка? – поинтересовался я.

– Уже нормально, было хуже. Но все равно жить среди местных, по-моему, невозможно. Мне-то что? Я весной на дембель. Вам сложнее.

Мы дошли до штаба дивизии. Дневальный ушел, а мы стали ждать выхода к нам кого-то из здания штаба.

Через несколько минут к нам вышел солдат и повел к начальнику отделения кадров. Пытались представиться, подполковник устало махнул рукой и пригласил сесть на стулья. Бегло посмотрел документы.

– Вы какое училище закончили? – обратился ко мне кадровик.

– Омское ВОКУ в этом году.

– Как закончил, с какими результатами?

– Диплом с отличием.

– Кто у тебя родители?

– Отец – отставной офицер, мама работает в исполкоме в Калининграде.

– Про отца подробнее.

– Закончил службу полковником в Калининградском гарнизоне, до этого командовал артдивизионом в Афганистане. Награжден, ранен.

– Ясно. А почему тебя в СибВО отправили после училища, с красным-то дипломом?

– Так вышло. Недоразумение. Командир роты недосмотрел, не проконтролировал.

– В училище командирские должности занимал?

– Был сержантом, командиром отделения курсантов.

– Ну что с тебя, Тимофеев, все клещами тянуть надо? С какого времени был командиром?

– В конце первого курса назначили.

Кадровик посидел, о чем-то молча подумал.

– Так, ну а с вами, товарищ лейтенант, все понятно. Вы назначены замполитом мотострелковой роты. Сейчас вас проводят в расположение артиллерийского полка, там в одной из казарм оборудован ночлег для офицеров вашего полка. Завтра часов в 10 утра все вместе поедете в свой полк, пойдет тыловая колонна. В общем, там есть старший – майор Носов, слушайте его команду. Где покушать и прочее, он вам тоже объяснит. Вопросы?

– Разрешите дождаться лейтенанта Тимофеева?

– Ну, выходите на улицу. Видите, вон там курилка. Садитесь и ждите, но скорее всего, Тимофеев не пойдет с вами, он уже сегодня попадет в свою роту. Тимофеев, полевая форма с собой есть?

– Так точно.

– Это хорошо. Ждите.

Через пятнадцать минут кадровик вернулся и произнес:

– Вы друзья?

Я тайком с надеждой посмотрел на Игоря.

– Друзья, – твердо ответил Игорь и посмотрел на меня.

– Друзья, – тут же подтвердил я.

– Решение комдива и начальника политотдела: вы оба будете служить в одной роте. Поэтому, Копылов, вместе с Тимофеевым выезжай сейчас в свою роту на полигон. Повезло вам, – произнес подполковник и как-то впервые по-доброму улыбнулся.

Мы с Игорем от радости обнялись. Будем помогать друг другу. За время нашего путешествия мы неплохо друг друга изучили.

Нас отправили на КПП штаба дивизии, через несколько минут подъехал ЗиЛ-131, из кабины которого вышел старший лейтенант с танковыми эмблемами и повязкой «помощник дежурного по полку». Кадровик что-то сказал танкисту и подал команду:

– Все, загружайтесь, сейчас вас отвезут в вашу роту, она формируется отдельно от вашего батальона и полка, здесь, на полигоне Сейфалы. Командир роты, капитан Новиков, у вас самый опытный в полку, в хорошие руки попали вы, ребята, не переживайте. Я ему уже позвонил, он вас ждет с нетерпением.

Мы забросили вещи в кузов, солдат закрыл за нами задний борт. А танкист спросил:

– Эй, пехота, у вас все нормально?

– Нормально, – ответили мы, довольные тем, что нам предстоит служить вместе, в одной роте.

– Слушай, Юра, я ведь ни БТР, ни БМП вообще не знаю. Я все-таки хоть и военно-политическое закончил, но по артиллерийскому профилю.

– Ничего, Игорек, я тебя всему научу. База у тебя есть, а остальное все в наших руках.

Минут через тридцать машина остановилась. Вышел из кабины танкист и сказал:

– Выгружайтесь, мужики. Приехали.

Солдат открыл задний борт, мы выгрузили вещи. Перед нами в бескрайнем пустынном поле стоял небольшой полевой лагерь с электрическим освещением.

– Вон ваш командир роты стоит, не подходит сам. Советую к нему подойти и представиться как положено, – показал на стоявшего в нескольких шагах от нас человека.

– Спасибо, до встречи, – сказал я.

Танкист сел в машину и отъехал.

– Игорь, оставляем пока здесь вещи и идем представляться. Похоже, мы опять в настоящую армию попали.

Мы вместе подошли и представились по всем правилам. Сразу стало понятно, что это то, чего Новиков от нас ждал.

– Дневальный! – выкрикнул Новиков.

На огромной скорости к нему подбежал солдат, похожий на узбека, и явно не из молодых. Доложил как положено.

– Вещи господ офицеров ко мне в палатку. Бегом!

– Пойдемте за мной, мои вы долгожданные, – обратился к нам Новиков.

Мы зашли в палатку, в которой стояло три кровати.

– Эта кровать моя, вот эта – замполита, а это твоя, – обратился к нам Новиков.

Мы переглянулись с Игорем и подошли к своим кроватям.

– Полевая форма есть?

– Есть, – дружно ответили мы.

– Переодевайтесь, – сказал Новиков и присел на табуретку у сильно растопленной печки.

Мы с Игорем начали переодеваться.

– Что это? – спросил Новиков, указывая на мой свитер, подаренный отцом.

– Свитер, отец подарил. Его можно надеть? – ответил я.

– Отличная вещь! Можно. Это ЗакВО, здесь все можно. Отец военный?

– Полковник. Уволился уже, на пенсии, – ответил я.

– У меня тоже отец был военным, – спокойно произнес Новиков и закурил. – А у тебя, Игорь?

– И у меня тоже, майор, летчик бывший.

– Тимофеев, ночевать с завтрашнего дня будешь с личным составом своего взвода. А ты, Игорь, так и будешь здесь, со мной. Это твое постоянное место. Все командиры взводов спят с личным составом, это мой приказ. Старшина и техник роты – в отдельной палатке. Сейчас я вас со всеми познакомлю. Все офицеры и прапорщики у нас нормальные, даже хорошие.

– Понятно, – ответил я.

– Переоделись? Тогда за мной!

Мы вошли в палатку, в которой за накрытым столом сидели два старших лейтенанта, один старший прапорщик и прапорщик.

– Знакомьтесь! Это мой заместитель по политической части, лейтенант Копылов, – громко произнес командир роты.

– Игорь, – произнес Копылов, протягивая руку поочередно сначала офицерам, потом прапорщикам.

– Командир первого взвода, старший лейтенант Курдюмов, Саша.

– Командир второго взвода, старший лейтенант Игнатович, Сергей.

– Старшина роты, старший прапорщик Никитенко, Петр Николаевич.

– Техник роты, прапорщик Сысоев, Слава.

Я выдержал паузу, тоже представился и познакомился поочередно со всеми.

– Ну что, старшина, все готово? – спросил Новиков.

– Обижаете, товарищ капитан. Так точно, все готово. Вон на печке стоит сковородочка с жареным мясом и картошкой, и все остальное на столе.

Я посмотрел на печку и увидел огромного размера, высокую сковородку, явно местного производства.

– Прошу за стол, товарищи офицеры и прапорщики! – произнес Новиков.

Мы сели за большой стол, на котором уже стояли соленые огурцы, порезанный лук, свежие помидоры, огурцы, лук, зелень, белый круглый сыр, восточные лепешки, тарелки и маленькие стаканчики, тоже явного местного производства.

– С этого момента рота полностью укомплектована офицерами и прапорщиками. Завтра должны быть последние борта с солдатами и сержантами из Прикарпатского военного округа, нам осталось дополучить двадцать шесть человек всего-навсего. В роте все ко мне обращаются только по воинскому званию. Только замполит может обращаться ко мне по имени и отчеству. К замполиту все офицеры и прапорщики проявляют уважение. Понятно? Разные среди замполитов есть люди, но у меня в роте замполит будет лучше всех. Это всем понятно?

Все дружно махнули головами.

– Далее, обращаюсь ко всем, но к тебе, Игорь, особенно. Девиз нашей роты: у нас все хорошо! Все, что происходит в роте, за пределы роты уходит только с моего согласия. Это всем понятно?

Все так же дружно подтвердили.

– Тогда за наше знакомство, и прошу учесть, что это мероприятие и есть общее «проставиться». Употребление спиртных напитков солдатам и сержантам роты запрещено! Офицеры и прапорщики могут, но только с моего разрешения. Николаевич, давай наливай!

Выпили. Закусили.

– Довожу до вновь прибывших. Хочу, чтобы вы слышали это от меня лично. Командиру дивизии здесь, «под рукой», понадобилась полнокровная, обученная и дисциплиниро-

ванная рота для решения всяких нехороших, внезапно возникающих задач, а их здесь очень много. Все части нашей дивизии – сокращенного состава, а там, где есть хоть какой-то личный состав, много местных. То есть у него здесь нет ни одного боевого подразделения. До нашего полка 160 километров, потому что настоящая задача нашего с вами полка – не армян с азербайджанцами мирить, а прикрывать государственную границу. Поскольку от штаба дивизии до полка большое расстояние, командующий округом разрешил комдиву держать при себе одну роту отдельно от всего полка. Нашей ротой занимаются основательно. На наши «убитые БМП» кинули весь рембат дивизии, хотя там одно название, что рембат, но все же позавчера машины пригнали, и они в уже хорошем состоянии. Да, Слава?

– Так точно!

– Вот Слава со всеми нашими механиками-водителями две недели летал под зампотехом дивизии. Да, Слава?

– Не то слово, товарищ капитан. Я так в Германии не летал, как здесь.

– Личным составом нас комплектуют медленно. Почему? Стараются подобрать хоть немного получше людей. Сейчас у нас в роте всего-то шесть узбеков, два таджика, все они из старого состава, первые солдаты роты. Хорошие бойцы. Уже весь личный состав роты приведен в нормальное, боеготовое состояние. В основном на доукомплектование личный состав прибыл из Прикарпатского, Киевского и Белорусского военного округа. В роту людей старались отобрать получше, но не всегда получалось. Как говорит начальник политотдела, подбор личного состава в роте не хуже, чем в ВДВ. Соответственно, спрос с нас будет очень сильный. Слышишь меня, Игорь?

– Слышу, товарищ капитан.

– С тобой, Игорь, мы потом обстоятельно и обо всем поговорим. Но учти, что начпо и замначпо бывают у нас постоянно.

Игорь выглядел немного обеспокоенным, но держался бодро.

– Замкомдива тоже насел капитально на боевую подготовку. Он реже бывает в батальонах нашего полка, чем у нас в роте. Завтра, если получим оставшийся личный состав, дадут нам на все и про все максимум еще две недели. Если дадут. И все. Получим конкретную задачу. Там уже личный состав не обучишь и не воспитаешь. Обстановка такая, что все роты нашего полка уже давно выполняют задачи по всему Карабаху и за его пределами. Готовы или не готовы они были, никого не волнует. Даже арtdивизион полка действует как простая пехота на всяких блокпостах и горных заставах, только танкисты пока что более или менее занимаются боевой подготовкой. Всех разбросали, в резерве у командира полка из боевых подразделений, кроме танкистов, только разведрота, которую кидают каждый день во все дырки.

Опять выпили. Старшина роты поставил на стол сковородку, и все с удовольствием начали поедать жареную картошку с луком и мясом.

Потом потихоньку начали разговаривать между собой. Закурили. Мероприятие подходило к концу.

– Старшина, давай командуй, пусть чай несут.

– У меня все здесь, не хочу бойцов задевать, не хочу, чтобы видели.

Старшина встал, все помогли убрать со стола лишнее, поставил на стол большой чайник с кипятком, большой, по-восточному раскрашенный чайник с заваркой, лимон, леденцы и варенье.

– Варенье вишневое и из грецкого ореха, – сообщил старшина.

– Из грецкого ореха? – переспросил я с удивлением.

Все рассмеялись.

– Что, Юра, еще не пробовал такого? – спросил меня Николаевич.

Все опять рассмеялись, Новиков тоже улыбался и смотрел на меня.

– Мне начальник отдела кадров сказал, что ты у нас краснодипломник?

– Да, так и есть.

– Так, господа. Чай пьем и расходимся. Старшина только здесь разбирается. На зарядку завтра никто не выходит. Я сам проведу. Встречаемся на завтраке, на разводе всех представлю. Вопросы?

– Отлично! Товарищ капитан, разрешите нам с Сергеем переночевать здесь или у прапорщиков. Ну, в качестве исключения, – спросил Саша.

– Разрешаю.

Все начали расходиться.

С утра мы с Игорем встали пораньше, умылись, привели себя в порядок и пошли на ПХД.

– Игорь, подходите сюда, – окликнул нас Новиков.

Мы подошли к столу, единственному стоявшему на ПХД.

– Это наша единственная привилегия перед солдатами, то, что мы едим, сидя за столом, а не стоя за неструганным горбылем. ПХД не наш, от танкового полка. Командует здесь прапорщик-азербайджанец со своими поварами, но нам подчиняется. Здесь и замкомдива, и начпо, и замначпо часто кушают, так что, видимо, умеренно прапор ворует.

Нас с Игорем представили, а после развода Новиков сказал:

– Курдюмов, забирай третий взвод на занятия, Тимофеев позже подойдет, но сегодня пока что ты его взводом занимаешься.

– Понятно.

Мы отошли в курилку.

– Сегодня на занятиях просто присутствуешь, смотришь, как Курдюмов проводит, он уже четыре года взводом командует, три из них в ЦГВ, там школа не хуже, чем в ГСВГ. Не стесняйся у него учиться. После обеда со взводом не идешь, начинаешь писать конспекты на всю неделю. Как только первый напишешь, покажешь мне. С завтрашнего дня сам проводишь занятия, я на них буду присутствовать, принимаешь взвод. Замкомвзвода у тебя парень хороший, но слабый. Будем менять. Присмотрись к людям. Ну все, Юра, давай, в добрый путь, – сказал Новиков, развернулся и пошел в сторону стоянки техники роты, где его ждали командиры и механики всех машин.

Я осмотрел лагерь роты. То, что нужно! Полный порядок. Палатки у каждого взвода своя, канцелярия роты, палатка Новикова и Игоря, палатка прапорщиков, оружейная комната, ленинская комната (Игорь уже там), палатка старшины роты с имуществом, постовой грибок, часовые, все дорожки выложены камнем, камни побелены. Сзади техника стоит ровно, как на параде. Да, молодец Новиков!

Занятия Курдюмов проводил действительно виртуозно. Видно сразу, что опыт у него богатейший. Бойцы с удовольствием учились. После обеда сел писать конспекты, Курдюмов дал свои и сказал, чтобы я ничего не выдумывал, командира роты они полностью устраивают. Новиков конспекты одобрил. После ужина взялся принимать взвод.

Мой заместитель, сержант, парень грамотный, но с личным составом явно слабоват. Не тянет.

В шесть вечера прозвучала команда, что где-то часа через два привезут нам недостающий личный состав. Новиков вызвал начальника ПХД и всех офицеров и прапорщиков роты:

– Аскеров, скажи, чем мы можем накормить двадцать шесть человек?

– Ничем, товарищ капитан, сегодня они еще питаются выданным им сухим пайком.

– Сухой паек – это понятно. Чем ты их сможешь подкормить, я спросил.

– Завтра они стоят на довольствии. Завтра все как положено. Сегодня уже все котлы помыли.

– Не сдохнут твои повара, еще раз помогут. Ты сам хоть раз летал военными бортами? Ты знаешь, что они там могли на аэродроме просидеть и двое, и трое суток под снегом и ветрами? Мы что, не можем солдата по-людски принять? – заорал Новиков.

– Давай, Новруз, сделаем так. Я тебя понимаю, что завтрашнюю закладку трогать нельзя. Но чаем напоить мы можем, заварки у меня полно, и сахара на такое количество личного состава найду. Вот это первое – сделаем хороший крепкий чай с сахаром, такой они в армии никогда не пили. Плюс у меня полно варенья, осталось, еще когда в армянскую часть города ходили. Второе, я сейчас поеду к Гудрату и привезу из его магазина штуки четыре куриц, импортных. Завтра с ним рассчитаемся? – Николаевич пристально посмотрел на Новикова и на Славу.

– Конечно, – ответил Новиков.

– Ну сварить ты этих кур сможешь? – обратился старшина к Аскерову.

– Конечно.

– Ну а капуста, морковки, лука, картошки найдешь?

– Нет лишнего.

– Понятно, тогда возьму у Гудрата три курицы и овощей.

– Возьми четыре, одну давайте завтра сварим сами на офицеров и прапорщиков, сделаем щи или борщ, – высказался Сергей.

– Точно, давай, Николаевич, возьми четыре. Мне тоже надоела эта солдатская жрачка. У меня от Аскерова изжога, и лепешек там возьми и на нас, и на бойцов. Давайте скинемся.

Решили. Завтра Слава продаст бензин с приданных нам грузовых машин, плюс все офицеры и прапорщики роты сбросились. Предложили Аскерову, но он посмотрел на нас как на дураков.

Я пошел готовить место в палатке себе и вновь прибывающим. Выбрать место себе оказалось делом непростым, и я решил узнать, как разместились Саша и Сергей, поступил так же. Потом начал руководить, где и как разместить остальных.

– Кто истопник сегодня ночью? – спросил я у командира первого отделения.

– Еще не расписывали, но командир роты приказал, чтобы всю ночь разбивали по часу, на восемь человек.

– Гололобов! – позвал я своего заместителя.

– Я, товарищ лейтенант, – вошел сразу в палатку мой заместитель.

– Где график дежурства истопников?

– Сейчас все сделаю.

– А что, тебе надо напоминать? – уже тихо и спокойно спросил я.

– Да нет. Я сам собирался.

Я начал размещать свои вещи, хотя наиболее ценное и ненужное оставил у Игоря.

Услышал отчетливую речь своих же солдат за палаткой, которые решали, кто будет топить печь и в каком порядке. Понятно все. Гололобов никакой не замкомвзвод и никогда им не будет. Он сам будет полночи топить печь. Понятно. Разберемся. Но кто этот самый борзый и, судя по всему, самый авторитетный солдат, которого, судя по всему, так боится Гололобов?

Я вышел из палатки. Солдаты сразу примолкли.

– Ну что, решили? – спросил я.

– Сейчас, еще минутку, – ответил мой заместитель.

Я же решил со всеми познакомиться и хотел сделать это вне строя. Сразу видна реакция всех на каждого. Над кем-то развязно смеются, над кем-то не смеют, а кое-кто на кое-кого даже посмотреть боится.

Ну вот, кажется, понятно, кто здесь самый авторитет. Рядовой, высокий солдат, ему явно весной домой. Дошла очередь и до него.

– Зубов, – произнес рядовой и смело, с вызовом посмотрел на меня.

– Что, представляться не умеешь или мне это воспринимать как борзость? – ответил я и так же пристально посмотрел на него.

Зубов не ответил, криво усмехнулся, отошел на метров пять-шесть, повернулся ко мне боком и закурил.

Весь взвод пристально следил за развитием ситуации.

– Рядовой Зубов, ко мне!

Зубов лишь повернул ко мне лицо и сквозь зубы сплюнул в моем направлении.

Кровь сильно запульсировала. Что делать? Тянуть нельзя. Бить! Надо бить без всяких разговоров. Будь что будет!

Резко, в одно мгновение я подскочил к Зубову и с размаха нанес сильный удар в живот. Зубов такого не ожидал, подломился. Бить, пока не запросит пощады! Все, терять нечего, на кону мой командирский и офицерский авторитет. Лупить, пока не подчинится! Я наносил удары, но Зубов, сгруппировавшись, терпел.

Ко мне подскочил командир первого отделения, сержант Трохименко, и, приняв стойку, попробовал меня ударить. Это уже совсем плохо! Я переключился на сержанта и провел болевой прием. Сержант завизжал, а потом заорал:

– Все, хватит. Хватит!

– Неправильно к командиру обращаетесь, товарищ сержант!

– Хватит, товарищ лейтенант! Хватит!

Я отпустил сержанта.

– Встать, товарищ сержант, и хватит орать, как девушка.

Сержант встал и замолчал сразу. Я вернулся к Зубову и еще раз нанес сильный футбольный удар в туловище ногой. Он взвыл.

Я взял солдата за волосы и произнес:

– Проси прощения, засранец. Проси.

Зубов молчал.

– Сюда, ближе все подошли и закрыли нас со всех сторон. Живо! – приказал я взводу.

Нас с Зубовым обступили все солдаты и сержанты моего взвода. Я продолжал держать Зубова за волосы.

– Зубов, ты покусился на мой авторитет. Не оставил мне выбора. Я не мог не дать тебе то, чего ты заслужил, иначе весь наш взвод подумал бы обо мне, что я плохой офицер, что я не командир. Я правильно говорю, взвод?

Никто не ответил.

– Зубов, я жду извинений.

– Никогда, хоть убейте меня. Этого не будет никогда! – заорал Зубов.

– Это ты специально орешь, Зубов, надеешься, что нас услышит командир роты и освободит тебя.

– Мне плевать, бейте сколько хотите, я у офицеров никогда прощения просить не буду, – уже тихо произнес Зубов.

После этих слов я ударил еще несколько раз Зубова. Он молчал.

Тем временем к нам подошли солдаты с из других взводов.

– Трохименко, убери всех чужих. Это внутреннее дело, только нашего взвода. Хоть это ты в состоянии сделать? – произнес я.

Трохименко обернулся и произнес:

– Все, мужики, давайте, расходимся, это наши дела.

К нему присоединился еще один солдат, механик-водитель моего БМП. Посторонние быстро ушли.

– Ну что, Зубов, не передумал? – еще раз спросил я.

Ответа не было.

– Зубов, пошли в палатку, там поговорим.

Зубов молча начал подниматься с большим трудом. Лицо сильно окровавлено.

– Быстро воды сюда и аптечку, – скомандовал я.

Воду и аптечку принесли, в это время я все-таки помог Зубову, но он злобно брыкнулся. Зубову полили, он умылся.

– Все уходим в палатку. Трохименко, оставь кого-нибудь на фишке.

– Нуралиев, на фишку! Остальные быстро зашли, – скомандовал Трохименко и подставил плечо Зубову.

Все зашли в палатку.

– Итак, взвод! Отныне во взводе никто не смеет мне не подчиняться или как-то борзеть. Сейчас произошло такое, за что Зубов и Трохименко должны были бы сесть в тюрьму, ну или в дисбат как минимум. И меня тоже бы постигло наказание, не тюрьма, конечно, но из армии бы турнули с волчьим билетом. Я здесь командир, меня сюда наше государство назначило вами командовать, и вы все будете делать то, что я прикажу.

– Я не считаю тебя командиром. Понял, летёха ты сопливый? – прохрипел Зубов.

Мгновенно с разворота я обрушил на Зубова серию ударов. Меня обхватили сзади.

– Товарищ лейтенант, хватит, убьете! Хватит! Зубов, он такой, его не сломать! Мы все вас признаем командиром, – произнес Трохименко.

Я окинул взглядом стоящих солдат. Никто из них явно не смотрел на меня с вызовом или дерзко.

– И Леха, он тоже больше не рыпнется против вас. Просто у него характер такой. Хватит, – повторил Трохименко.

– Товарищ лейтенант, сюда командир роты идет с замполитом, – быстро и с тревогой в голосе произнес Нуралиев.

– Всем привести себя в порядок. Леха, тебя тоже касается, служить дальше будем. У нас во взводе все хорошо, это всем понятно?

– Так точно, – ответил взвод.

Я вышел из палатки встретить Новикова. Попытался доложить, но он, не слушая меня, пролетел мимо и сразу заскочил в палатку взвода.

– Строиться на передней линейке! – проорал Новиков.

Я заскочил в палатку навстречу потоку. Все устремились на выход.

Зубов стоял напротив Новикова. Новиков внимательно на него посмотрел и выдал две подряд затрещины по шее Зубова, очень громких и хлестких.

– Я так и думал! Я же тебя предупреждал! – говорил Новиков и параллельно пнул Зубова под зад.

Зубов не стал ждать еще тумаков и выскочил из палатки.

Я построил взвод и доложил командиру роты по всем правилам.

– Ну что, сержанты хреновы? Вы только морковку можете сосать? Я вас предупреждал?

В это же мгновение Новиков сорвал красные сержантские лычки с Гололобова.

– Все, Гололобов, отныне ты просто наводчик, в какой машине – решу позже. Трохименко! А ты что делал, родной? – тихим голосом спросил Новиков.

– Товарищ капитан, разрешите мне самому разобраться? Я представляю предложения по сержантскому составу взвода позже, когда прикажете, – произнес я.

Повисла тишина.

– Хорошо. Командуйте, – ответил Новиков. – Зубов, за мной, скотина.

– Товарищ капитан, прошу оставить его мне. Я сам разберусь.

Новиков улыбнулся.

– Опять разрешаю, хорошо. Занимайся. Но смотри мне, Зубов, только выкинь что-нибудь!

Новиков повернулся, отошел на несколько шагов и произнес:

– Пошли, замполит. Надо дать командиру взвода самому разобраться.

Игорь стоял и смотрел на меня очень пристально. Ему очень хотелось мне помочь, он переживал за меня. Так я прочитал его взгляд. Однако я молча, еле заметно отрицательно помотал головой. Игорь меня понял и пошел вслед за Новиковым.

Взвод отправил в палатку, а сам вызвал Трохименко в сторону, отвел подальше от чужих глаз.

– Бить будете, товарищ лейтенант? Я сдачу дам, отвечаю, – произнес Трохименко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.